

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ПО СЛЕДУ КАРАВАНА

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

По следу каравана

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

По следу каравана / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2011 — (Спецназ ВДВ)

Никто не мог предположить, чем закончатся обычные учения спецназа ВДВ в горах Таджикистана. На российских бойцов напали талибы! Они перегоняли через Таджикистан караван с афганским героином и, увидев десантников, атаковали их. Десантники предприняли ответный удар, и уцелевшие остатки талибов кинулись наутек. Вот тогда-то и выяснилось, что это были не только наркоторговцы, но и террористы, которые готовились устроить ряд терактов на территории России. Десантники устремились по следам недобитых талибов...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

По следу каравана

Глава 1

...Откуда-то со стороны соседней горной гряды, начинающейся за долиной, хаотически загроможденной угловатыми каменными глыбами и торчащими меж них острыми клыками остатков древних скал, рассыпая частое эхо, раздалась автоматная очередь. Судя по тому, как совсем рядом просвистело несколько пуль, одна из которых, отрикошетив от каменной стены крутого горного склона, с противным визгом унеслась куда-то прочь, можно было не сомневаться: огонь велся прицельно, и лишь достаточно большое расстояние не позволило стрелку зацепить кого-то из спецназовцев.

При первых же звуках выстрелов двенадцать человек в камуфляже, навьюченные оружием и вещмешками, повалились на каменную твердь плоскогорья, усыпанную валунами и мелким камнем, которые миллионы лет назад были единым монолитом, созданным природой. Возглавляющий группу своих спецназовцев майор ВДВ Андрей Лавров, он же Батяня, осторожно осмотрел из-за серо-коричневой глыбы, похожей на коренной зуб великана, которая и укрыла его от роя пуль, пространство между зубчатыми пиками, венчающими гряду. Ничего не заметив в той стороне, он окликнул десантников, залегших кто где в момент непонятно чьей атаки:

– Все целы?

– Все! Все! – послышалось с разных сторон.

– Пока не высовываемся, изучаем обстановку, – доставая бинокль, распорядился Лавров.

Приближенное оптикой место, откуда, предположительно, и хлестнула очередь, выглядело совершенно безлюдным, и было совершенно непонятно – кто и почему в них стрелял. Андрей знал точно, что в радиусе ближайших пятидесяти верст нет ни одного таджикского кишлака. Так на кого же они наткнулись? На браконьеров? На боевиков из антиправительственных группировок? Или это был караван наркоторговцев?

Еще раз внимательно осмотрев всю гряду, в которую и упиралось плоскогорье, где им пришлось залечь, он заметил силуэт какого-то человека, мелькнувший в просвете между скалами. Скорее всего, стрелявший покинул огневую позицию и побежал догонять своих.

Пригнувшись, Лавров двинулся вперед, держа на изготовку автомат, снятый с предохранителя. Никто не стрелял. Оглянувшись, он негромко скомандовал:

– Короткими перебежками – за мной!

Изготовив оружие к ведению огня, парни двинулись следом, быстро перемещаясь от валуна к валуну. Дистанцию в несколько сот метров они преодолели за пять минут. Бесшумно обойдя стороной предполагаемую огневую точку неизвестного агрессора, вскоре Андрей заметил что-то, мелькнувшее меж двух огромных плоских глыб, сложенных «домиком». Стало ясно, что в засаде было двое. Один отвлек на себя внимание и изобразил бегство, а второй, оставленный в качестве смертника, должен был устроить мясорубку, прямым огнем срезав спецназовцев. Скорее всего, их заметили несколько раньше, чем произошла только что состоявшаяся стычка, и чужаки, распознав в незнакомцах неазиатской наружности явную для себя угрозу, решили с ними на всякий случай разделаться.

Быстро оценив ситуацию, Андрей решил отплатить чужакам той же монетой, пойдя на хитрость. По его команде Виктор Кашин, пригнувшись, поднялся вверх по склону и на пару мгновений поднялся на камень, после чего стремглав спрятался. У смертника, судя по всему,

не выдержали нервы, и он, неосторожно высунувшись из своего укрытия, прошил очередью каменистый склон.

Лавров тут же вскинул автомат, но выстрелить не успел. Оборвав очередь, смертник почему-то рухнул навзничь и сразу же затих. Когда Андрей, маскируясь за камнями, приблизился к нему, тот без признаков жизни лежал на острых обломках камня. Из его шеи, точно под основанием черепа, торчал десантный нож.

– Чей? – спросил Лавров, оглянувшись на подошедших со всех сторон спецназовцев.

– Мой, товарищ майор... – выдергивая острие ножа, засевшее между костями, сказал старший сержант Хромин, чуть брезгливо наморщив нос. – Очень уж удачно он нарисовался.

– Это с какого же расстояния ты метнул? Метров с двадцати? Силен!.. – одобрил Андрей.

– Стараюсь... – вытирая лезвие об одежду убитого, сдержанно откликнулся тот.

Спецназовцы, уже не таясь, обошли всю прилегающую территорию, и вскоре Лавров стоял у камня, рядом с которым валялись десятка полтора стреляных гильз. С первого же взгляда было ясно, что стрелявший в их сторону вооружен «семьдесят четвертым» «АК», калибра пять сорок пять...

Еще раз взвесив все «за» и «против», Лавров сделал однозначный вывод – это караван с наркотой. Боевики, до сей поры конфронтирующие с центральной властью, для чего их подпитывали оружием и всячески поддерживали афганские талибы, локализовались в основном в Горном Бадахшане и в западную часть Таджикистана наведывались нечасто. Да и что им делать на совершенно безлюдной территории? Браконьерам тут тоже особо делать было нечего. Эти больше тяготеют к долинам, богатым всякой живностью. Например, к заповеднику Тигровая Балка или Даштиджумскому. К тому же автоматами браконьеры пользуются довольно редко.

А вот наркоторговцы... Эти транзитеры «белой смерти», которую они любыми путями стремятся распространять из Афганистана по всему миру, с голыми руками отправиться «путешествовать» по горам и долинам Гиссаро-Алая никогда не рискнут. Как и по другим территориям, по которым перемещаются и пешие «верблюды» с выюками отравы на собственном горбу, и погонщики выючных ишаков, даже не подозревающих, какое зло везут на себе их натруженные, выносливые спины.

Судя по всему, спецназовцы случайно пересеклись с пешими «верблюдами», тащившими в рюкзаках по полтора-два пуда пакетов с героином – обычная норма для таких транзитеров. И те, как видно, приняли их или за сотрудников здешней службы, призванной бороться с распространением наркотиков, или за здешнюю же отможенную голоту, вознамерившуюся отбить хотя бы часть груза, чтобы потом реализовать его уже самостоятельно.

– Что будем делать, товарищ майор? – Старший сержант Иван Хромин выжидающе посмотрел на Батяню. – Идем дальше по своему маршруту или...

– Или... – коротко ответил Андрей, еще раз через бинокль оглядев близлежащие горные склоны. – Думаю, это – «верблюды», которые наверняка именно к нам домой, в Россию, потащили всякую дрянь. И мы этого допустить не должны. Сто тысяч за год убитых наркотой – это, я думаю, уж слишком. Мы идем за ними! Задача – настигнуть и уничтожить. Средства – любые. За мной!

Ускоренным шагом он двинулся вверх по горному склону, направляясь в ту сторону, где им был замечен стрелявший. Один за другим парни двинулись следом за своим Батяней...

* * *

Услышав пронзительный, заунывный клич муэдзина, Андрей Лавров открыл глаза и некоторое время лежал не двигаясь. Он слушал арабские слова, побуждавшие правоверных идти в мечеть на утренний намаз, и пытался вспомнить приснившееся ему ночью. Но память

упорно не желала извлекать из своих тайников те образы, которые привиделись в сновидениях. А что вообще могло присниться в первую ночь пребывания на чужой, азиатской земле?

...Вчера он с отделением спецназовцев прибыл сюда, на российскую военную базу в таджикском городе Кулябе. После довольно-таки длительного перелета на военном транспортнике до Душанбе, обосновавшегося у южных предгорий Гиссарского хребта, и изматывающего, почти четырехчасового путешествия по извилистому серпантину горных дорог уснуть можно было и на голом кирпиче. А если учесть смену климата и часовых поясов, потребность в отдыхе возрастала в разы...

Когда самолет, вылетевший из относительно теплого Подмосковья, приземлился в аэропорту таджикской столицы, Андрей, спускаясь по аппарели, почувствовал дыхание теплого, в чем-то даже знойного ветерка, совсем как в России летней порой. Здесь как будто и не чувствовалась поздняя осень, словно и не должна была очень скоро начаться календарная зима. Прямо с территории аэропорта, над которым развевался красно-бело-зеленый флаг, их увезла пассажирская «Газель». Для Лаврова, который ползимы и начало весны провел в соседней Киргизии, многое из мелькавшего за окном было не в диковину.

Он смотрел на все те же постсоветские ландшафты, разбавленные исторической спецификой, «новострой» под старину, щедро приправленные здешним национальным архитектурным колоритом. Они мчались мимо и навороченных вилл, и стандартных пятиэтажек. Не так уж и редко где-то в отдалении мелькали совсем убогие глинобитные лачуги. То, что Таджикистан – территория вовсе не равнинная, было ясно с первой же минуты прибытия. Куда ни глянь, со всех сторон виднелись или буровато-зеленоватые, или темно-серые, с примесью самых разных цветов, горы и скалы, иные из которых были увенчаны снеговыми шапками.

Когда «Газель» выехала за пределы последних пригородов Душанбе, одной из самых высокогорных столиц мира, даже издалека виднелись взбирающиеся на горные склоны кварталы многоэтажек, немалая часть которых смотрелась на вполне современном дизайнерском уровне. А микроавтобус продолжал бежать по серпантину горных дорог, выписывая самые невероятные виражи как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях. Он то почти вертикально, с натугой шел в гору, то, словно отрабатывая «змейку» на учебном автодроме, летел куда-то вниз, из-за чего в ушах без конца образовывались не очень приятные по ощущениям воздушные пробки.

Продолжая отслеживать перипетии маршрута, Лавров иронично усмехнулся. В одном из популярных телесериалов пелось про «русские дороги – семь загибов на версту». Это ли предел? Здесь, в горах, можно было насчитать не семь, а семьдесят семь самых причудливых загибов на всего одну таджикскую версту. Прямые участки дорог (в смысле – относительно прямые) встречались крайне редко.

Зато мостов через реки хватало. Через каких-то полчаса после выезда за пределы Душанбе «Газель» пронеслась по мосту над быстротечной горной речкой.

– Сарба, – не оглядываясь, лаконично сообщил шофер, сержант лет двадцати трех. – Сейчас слева от нас останется город Кофарнихон, потом будет еще одна речка – Иляк...

Парень уверенно произносил иноязычные слова, судя по всему, уже не раз изъездив эти места. После череды затяжных зигзагов по горным кручам, изобилующих подъемами и спусками, они пересекли по мосту мощный бушующий Вахш, выше по течению которого где-то там, за ширмой гор, обосновался город Нурек, давший название некогда всесоюзно известной Нурекской ГЭС.

Когда позади осталось около трети из того, что предстояло проехать, микроавтобус нырнул во вполне современного вида туннель, пронизывающий горный перевал.

– Туннель перевала Шар-Шар, – уведомил водитель, лихо крутя баранку. – Построили на деньги китайцев. Собственно, они сами и строили. Кстати, прут китаезы в Таджикистан

буром... Они тут и в промышленность стараются вложиться, и в сельское хозяйство. Чую, как бы нас отсюда очень скоро не потеснили – с них станется...

– И сколько в нем? В туннеле? Километра три? – спросил Мишка Барашин, самый любознательный из спецназовцев.

– Два триста, – охотно сообщил шофер, назвавшийся Анатолием. – Считаю, больше чем на полчаса дорогу нам скашивает. Но это, как говорится, мелочовка. Впереди еще один перевал – там не забалуешь. Тут, если разобраться, расстояние по прямой между Душанбе и Кулябом меньше двухсот километров. А наши пацаны на «КамАЗах» ползут, бывает, часов по шесть, а то и больше, если скользота. Ну а мы, думаю, часа за три доскакать до Куляба должны бы...

Словоохотливый сержант, взявший на себя обязанности гида, между делом сообщил, что «некоторые чудаки» едут из Душанбе в Куляб по трассе, идущей через Курган-Тюбе.

– Это уму непостижимо, какого крюка они дают! – смеялся он, качая головой. – Прут аж до самой границы с Афганом, потом вдоль нее идут черт знает сколько параллельно Пянджу и уже под конец – с юга – заворачивают к Кулябу. Нет, тут, конечно, дорога более рискованная, особенно в гололедицу. Да тут и в сухую погоду можно «гавкнуться». Вон, ездил я до этого на «КамАЗе». Послали как-то из Куляба в Восе. Туда ехал днем – все нормально. Назад возвращался уже ночью. А свет – хреновенький-хреновенький. В одном месте что-то в голову стукнуло: дай, думаю, остановлюсь – гляну, что там и как? Вышел, глянул... Мать честна! Полдороги съехало вниз. В принципе если бы был на легковушке, то ближе к стене еще можно было бы проскочить мимо обрыва. А на «КамАЗе» – улетел бы вниз и чирикнуть бы не успел.

Анатолий залился смехом, давая понять, что тот случай считает необычайно смешным. Однако его пассажиры это повествование восприняли несколько иначе.

– А обрыв там глубокий был? – косясь в окно, поинтересовался Мишка.

– Ну, кувыркаться там смело можно метров сто, а то и больше... – Шофер авторитетно мотнул головой.

Теперь уже все настороженно посмотрели на серый асфальт дорожного полотна, до сего момента казавшегося вполне надежным.

Метрах в ста перед «Газелью» по горной дороге мчался старый автобус «ПАЗ», прозванный шоферами «буханкой» за характерную форму и коричневатую-желтоватую окраску. Анатолий уже несколько раз пытался опередить этот раритет, сошедший с конвейера еще лет тридцать назад, но на узкой дороге это никак не удавалось.

Неожиданно где-то высоко на крутом горном склоне полыхнуло пламя, и даже сидящие в «Газели» почувствовали, как дрогнул горный монолит. Вслед за облаком дыма, окутавшим верхушки скал, вниз с бешеной скоростью рухнула сметающая все на своем пути каменная лавина.

Не успев вовремя отреагировать на взрыв, водитель «ПАЗа» суматошно начал тормозить, но тщетно. Удар целой реки каменных обломков сбросил автобус с дороги, и он, переворачиваясь в воздухе с беспомощно крутящимися колесами, полетел на дно ущелья. И Анатолий, спешно вдавивший в пол педаль тормоза, и спецназовцы, не отрываясь, смотрели ему вслед, пока он не скрылся за краем обрыва. Через несколько мгновений откуда-то снизу донесся скрежещущий, глухой удар.

– Быстро вызвать спасателей! – выпрыгивая из кабины, командовал Лавров.

Торопливо кивнув в ответ, шофер достал из кармана свой мобильник. Следом за своим Батяней из салона «Газели» быстро вывалили и спецназовцы.

– Что будем делать, товарищ майор? – обернулся к нему Хромин.

Все прочие замерли в ожидании распоряжений, вопросительно глядя на своего командира.

– Спускаемся вниз и, пока нет местных эмчээсовцев, проводим спасательные мероприятия, – коротко распорядился Андрей. – За мной!

Осмотрев уходящую вниз стену обрыва, он быстро нашел относительно пологий скат, по которому, хоть и не без риска улететь на дно ущелья, все же имелась возможность спускаться вниз. Цепляясь за угловатые каменные выступы, придерживаясь за острые края трещин, спецназовцы начали спуск в ущелье; на дне его виднелась груда жести, которая совсем недавно была автобусом.

На многометровый спуск ушло около четверти часа. Когда Лавров подошел к тому, что совсем недавно было «ПАЗом», даже будучи не слишком впечатлительным, он не мог внутренне не содрогнуться при виде салона, изнутри густо обрызганного и кое-где даже залитого кровью. Тут же рядом валялись оторванные фрагменты человеческих тел. Подошедшие следом спецназовцы молча смотрели на открывшуюся картину.

– Похоже, тут помогать уже некому... – хмуро констатировал непривычно сдержанный Шмельцов.

– В любом случае проверить будет нелишне, – заглядывая через пустой прогал окна в окровавленное нутро автобуса, лежащего на боку, заключил Андрей.

Он забрался внутрь и огляделся. Вперемешку с узлами, сумками, баулами и оторванными креслами в самых невероятных позах лежали погибшие при падении люди. По меньшей мере в автобусе ехало десятка полтора человек, в основном молодежи и людей средних лет. Витал едковатый запах разлившегося бензина и хорошо знакомый всякому, кто был на войне, тягостный, угрюмый запах человеческой крови. Просто диво, что автобус при падении не загорелся.

Когда спецназовцы закончили доставать из салона трупы погибших, в ущелье на альпинистском снаряжении спустились таджикские спасатели.

– Живых ни одного? – тяжело вздыхая, спросил у Лаврова старший группы.

Тот в ответ лишь молча качнул головой.

Когда погибшие были подняты наверх, а дорога расчищена от завалов, уже в сумерках «Газель» продолжила свой путь. Но теперь Анатолий ехал более осторожно. Спецназовцы, глядя на темные силуэты скал, закрывающих безмятежно-звездное небо, обсуждали происшествие с «ПАЗом».

– Товарищ майор, а вам не кажется, что этот фугас по нашу душу был заготовлен? Может, просто ошиблись временем или перепутали автобусы? А то, возможно, не они, а мы бы улетели под обрыв? – повернувшись к Андрею, спросил воронежец Гришка Сорожкин.

– Возможно... – Лавров пожал плечами. – Но, скорее всего, это был обычный теракт, имеющий своей целью устрашение, и не более того.

Ближе к десяти вечера Анатолий завернул в какой-то чуть освещенный поселок, где, поплутав по улицам, подрулил к какому-то длинному то ли барaku, то ли телятнику. Но, как оказалось, это была деревенская придорожная гостиница, где за небольшую плату можно было скоротать время до утра на деревянных нарах, покрытых уже комковатыми матрацами. Благо, ни клопов, ни тараканов не оказалось, а мелкие скорпионы, бегающие по потолку, были не в счет.

Утром путь был продолжен.

«Газель» бежала через перевалы и расщелины, по плоскогорьям и зеленым долинам, которых по мере удаления от Душанбе становилось все больше, тогда как горных пиков заметно убавилось. Сбоку остались Себистан, Дангара, реки Кызылсу и Яхсу, в развилке которых проехали через по-восточному шумный город Восе. На подъезде к Восе довелось увидеть даже поезд, идущий по железнодорожной линии, что для горной местности смотрелось весьма необычно.

– Ё-моё! – удивленно отреагировал на поезд старший сержант Хромин. – Я думал, что в этих краях только на ишаках или вертолетах можно передвигаться. А тут, гляди-ка, и железная дорога есть. Надо же!

Как бы откликаясь на его суждение, «Газель» обогнала двуколку на резиновом ходу (колеса явно были позаимствованы от какого-то сельхозагрегата), в которую был запряжен ослик бурой масти, с кудлатой, взлохмаченной спиной и флегматично-меланхоличной мордой.

– Ну, и что у нас сегодня плохого? Хотя какое это имеет значение?! – рыдающе-сварливым голосом завзятый хохмач Володька Шмельцов удачно спародировал общеизвестного мультяшного ослика Иа-Иа.

В салоне грохнул хохот – столь удачно вписался прикол в картину вызывающей сочувствие ситуации: худоватый ослик, тянувший арбу, груженную кирпичом, да еще и хозяином в придачу.

Еще через какое-то время издалека показались дома, окруженные зеленью.

– Ну, вот вам и Куляб! – улыбаясь, объявил Анатолий. – Еще немного, и будете на месте.

Вскоре «Газель» мчалась через пригороды, застроенные как вполне небедными особнячками, возведенными из камня и кирпича, так и бедняцкими глинобитными домиками с покатою односкатной крышей, покрытой дерном, с обязательной хурмой почти в каждом дворе. Где-то за зелеными верхушками чинар, орешника, граната виднелись кварталы пятиэтажек. Кое-где росли и вовсе экзотические растения, напоминающие пальмы. В некоторых местах по улицам тянулись арыки с бегущей по ним водой откуда-то с гористых возвышенностей, высящихся над городом. Тут же играли, ссорясь и мирясь, местные мальчишки. На глазах Лаврова один из них, зачерпнув пол-литровой стеклянной банкой воды из арыка, быстро сделал несколько глотков и, бросив банку, поспешил к своим приятелям.

– Ничего себе! – Андрей удивленным был несколько ошарашен. – Ему плохо-то не станет? Какой-нибудь дизентерии не приключится?

– Не-а! – Анатолий отрицательно покрутил головой. – Тут, во-первых, вода с гор – она намного чище, чем где-нибудь в пруду. А во-вторых, они тут к этому все привычные.

Покрутившись по окраинным улочкам, «Газель» подрулила к зеленым железным воротам с выпуклыми красными звездами. На сигнал гудка из двери КПП, рядом с которой красная стеклянная табличка уведомляла о том, что это российская военная база, выглянул прапорщик со скучающим лицом. Узнав машину Анатолия, он скрылся за дверью, после чего двое рядовых, отомкнув изнутри навесной замок, распахнули створки ворот. Дав газу, шофер лихо влетел во двор и помчался по вполне прилично озелененной территории части, остановившись у двухэтажного кирпичного здания, судя по всему, штаба базы. Перед окнами полыхали разноцветьем декоративной ботаники несколько ухоженных клумб, отделенных от плаца шеренгой стендов с различными призывами, наподобие общеизвестного: «Защита Отечества – наш священный долг!» Тут же стоял флагшток с колышущимся на его верхушке под порывами ветра российским триколором. Перед штабом раскинулся широкий, расчерченный всякими полосами и обозначениями плац, по периметру которого стояли несколько трехэтажных казарм. В тени чинар и кленов белела длинная одноэтажная столовая с большими окнами.

Когда Андрей вышел из «Газели», на крыльце штаба показался крупный мужчина в летней генеральской форме, следом за которым вышли двое офицеров с полковничьими погонами. Указав в их сторону глазами, Анатолий громким шепотом сообщил:

– Начальник базы, генерал-майор Густинин.

Как только из салона выгрузились все спецназовцы, он немедленно дал газу и поспешно укатил за казармы к какому-то кирпичному зданию с большими воротами. Скорее всего, к гаражу.

Генерал неспешно шествовал по дорожке, о чем-то разговаривая со своими спутниками. Скомандовав:

– Смирно! Равнение направо! – Лавров сделал навстречу ему несколько шагов и, вскинув руку, доложил о том, что подразделение спецназа ВДВ Средневожской учебной базы прибыло для отработки практических навыков в условиях пересеченной и горной местности.

Выслушав доклад и обменявшись приветствием с прибывшими, генерал порекомендовал Андрею пройти к его заместителю по тылу, чтобы тот определил гостей на проживание. Затем, расспросив Лаврова о целях и задачах предстоящей подготовки спецназа, он распорядился звать к нему через час для обсуждения тех или иных ее деталей.

Зам по тылу оказался, как и следовало ожидать, неподъемно-тяжелым подполковником на излете своей военной карьеры. Впрочем, тучность большинства российских тыловиков, и особенно интендантов, Лаврова не удивляла. Его в большей степени удивляло, если тыловик, имеющий отношение к материальным ценностям и продовольствию, выглядел поджарым и стройным.

– Значит, вы к нам на неделю-две... – крутя в руках авторучку, понимающе кивнул подполковник. – Ну что ж... Сейчас мой помощник отведет ваше отделение в общежитие казарменного типа для срочников. Там «кубрики» человек на двадцать. А вам я покажу комнату в офицерском общежитии. Так устроит?

– Вполне, – кивнул Андрей.

– К сожалению, время уже послеобеденное, сегодня поставить на довольствие вас не успею... – сокрушенно вздохнул зам по тылу. – На завтра вы уже будете на полном довольствии. Впрочем... Сегодня тоже что-то придумаем – голодными не останетесь.

Получив ключ от комнаты и войдя в свое временное пристанище, Лавров огляделся. Ничего особенного собой комната общежития с белеными известкой потолком и стенами не представляла. При площади три на четыре она содержала в своих стенах стандартный набор мебели, характерный для мест проживания такого рода, – койку, застеленную серым одеялом с «торосом», подушки в белой наволочке, стол, стулья, платяной шкаф, тумбочку с телевизором.

Разобрав дорожную сумку, Андрей достал большое махровое полотенце и отправился в конец коридора, где, по словам подполковника, имелся душ. Душ и в самом деле в наличии имелся, но вода из него шла почему-то только холодная. Впрочем, Лаврову это особых неудобств не доставило. По своей натуре не будучи неженкой, ничего особенного в отсутствии горячей воды он не усмотрел.

Освежившись под холодными струями душа и энергично растеревшись полотенцем, Батяня вернулся к себе в комнату. До встречи с начальником базы было еще минут двадцать. Не спеша надев парадно-выходную форму, он спустился на первый этаж и, найдя «кубрик» со своими парнями, лаконично поинтересовался:

– Ну как?

– Отлично, товарищ майор! – за всех доложил Хромин и тут же спросил: – А мы тут по территории перемещаться можем? Скажем, не только самой базы – в буфет, на спортплощадку, но и за ее пределами?..

– Конечно, можете, – Лавров улыбнулся. – Мне особенно понравился вариант насчет спортплощадки... Но вот чтобы в самоволку сорваться не вздумали.

– Ну-у-у!.. – дружно протянули все, кто стоял рядом.

– А куда и зачем тут бегать? – выгружая в ящик тумбочки зубную щетку, мыло и все такое прочее, сокрушенно вздохнул плотный сибиряк с сугубо сибирской фамилией Кедров. – Тут, кроме мечетей, хоть что-то более-менее интересное есть?

– Вот это точно! – чему-то ухмыляясь, откликнулся Шмельцов. – Если бы нас тут оставили на полгода-год, я бы от тоски сам попросил сделать мне обрезание, чтобы можно было бегать в мечеть на проповеди – все какая-никакая развлекуха.

Изобразив постный вид, он провел по лицу ладонями, смиренно промывав что-то заунывное. Парни рассмеялись.

– Ну ладно, орлы, осваивайтесь, а мне пора в штаб...

Проходя по плацу, Лавров посмотрел на часы. До встречи с генералом оставалось ровно две минуты. К двери кабинета он подошел секунда в секунду.

Тем временем спецназовцы, покончив с текущими делами, вышли из общежития «оглядеться на местности». Увидев компанию здешних солдат, которые интенсивно дымили в специально построенной для этого курилке, парни направились к ним.

– Привет, корефаны! – широко улыбаясь, поприветствовал местных Шмельцов. – Как жизнь?

– Здорово, коль не шутишь... – вполне миролюбиво пыхнул дымом широченный здоровяк с погонами младшего сержанта. – А жизнь – она ничё, идет... А вы откуда? Вроде, говорят, спецназ? Десантура, что ль?

– ВДВ... – кивнул Володька. – А у вас тут есть какой-нибудь спорткомплекс?

Ответом ему был дружный смех курильщиков.

– Ну вы даете! – Здоровяк удивленно покрутил головой. – Обычно все, кто сюда приезжает, первым делом спрашивают, где бы разжиться «горючим». А этим – турник подавай. Присаживайтесь, парни, закуривайте. Или своих еще не надыбали? Можем поделиться...

– Спасибо, но... – Шмельцов развел руками. – Не употребляю-с.

– Это что же, вообще никто не курит? – изумился тот.

– Раньше почти все дымили... – Хромин пожал плечами. – Но с нашим Батяней послужишь – сам забудешь, что это такое. Нет, так-то у нас в части кто курит, кто – нет, но в нашем отделении с этим лучше завязывать сразу. При тех нагрузках, какие у нас сейчас, если дымишь – дышалки точно не хватит.

– Ну и какие у вас нормативы? Пример можно? – хитро прищурился рыжеватый лопухий «фитиль».

– Ну, скажем, обычное дело – ускоренный марш-бросок при полной выкладке верст на сто по пересеченной местности, – как о чем-то обыденном сообщил Хромин.

– Да будет гнать-то! – тут же усомнились многие из курильщиков. – Это где ж такого здоровья набраться, чтобы «сотку» сделать?

– Понадобится, с нашим Батяней и больше сделаешь! – теперь уже рассмеялись гости.

– Это вы про майора, что ль? – вопросительно воззрился здоровяк. – Это вот он сейчас к нам в штаб пошел?

– Ну да, он... – кивнул Кедров. – Уникальный мужик. Таких спецов – поискать, да еще и не найдешь.

– А вы чем вообще занимаетесь? Там, карате, тхеквондо?.. – заинтересовался щупловатый паренек с чихленькими усами.

– Ну, карате, айкидо, кунг-фу и прочее мы изучаем в общем и целом, – пояснил Шмельцов. – А основное у нас – система Кадочникова. Ею Батяня владеет в совершенстве. Так-то он вроде обычного сложения. Но силища у него обалденная. И техника – обзавидоваться можно.

– Ну а вот прямо сейчас что-нибудь сможешь показать? – выжидающе прищурился здоровяк.

– Хм... – Шмельцов усмехнулся. – Вообще-то Батяня всякий там цирк не одобряет, но... Раз уж народ просит – почему бы не пойти навстречу?

Оглядевшись, он поднял из травы обнаружившийся там кирпич. Подозвав к себе двоих курильщиков, Шмельцов попросил их подержать кирпич за концы. Те, переглядываясь, с ироничными усмешками взялись с обеих сторон за кирпич, ожидая, что будет дальше. Все прочие притихли и замерли, напряженно глядя на спецназовца. Сжав кулак, Володька на мгновение сосредоточился, после чего его рука совершила молниеносное движение, сопровождаемое коротким выкриком.

Зрители ошарашенно смотрели на кирпич, переломившийся точно посередине. Увиденное казалось им ловко проделанным фокусом. Но о каком фокусе могла быть речь, если до удара кирпич был абсолютно цел, без единой трещинки?

– О-хре-неть! – Здоровяк развел руками. – Да, парни... С вами в темном переулке лучше не встречаться. Слушайте, так вы, наверное, еще и не пьете?

– Почему же? Употребляем. Но знаем меру, – рассмеялся Хромин. – Просто у нас действует старое правило: прежде чем выпить, надо знать где, за что, с кем, что именно и сколько употребляешь. Тут, может, иной раз и рад бы «расслабиться», но если с бодуна нормативы завалишь, можно вообще из части вылететь.

– А вам служить страх как хочется... – ернически кивая головой и выпятив нижнюю губу, определил сутуловатый парень, судя по всему, призванный на службу уже на пределе призывного возраста.

– Ты будешь смеяться, но лично мне и в самом деле служить страх как хочется, – с ироничным сожалением окинув его взглядом, подтвердил обычно молчаливый курянин Сашок Федоренко. – Я детдомовский. А пока туда попал, пить, курить и говорить научился одновременно. Пока рос в «шараге», еще и «травку» распробовал. Чуть было не сел по «малолетке». На себя как-то глянул – хрендец, по всем статьям калека без будущего. Меня в армию-то не брали – сам попросился. И именно в ВДВ. А как узнал про учебную базу майора Лаврова, несколько раз писал рапорты, чтобы перевели туда. Конкурс был пять человек на место – еле пробился. И не жалею. В армию пошел реально калекой. Сейчас прохожу любую комиссию – абсолютно здоров.

– Так ты в космонавты, в космонавты попросись! – хохотнул «фитиль».

– Был бы с институтом – попросился бы... – Сашок чуть досадливо поморщился. – А у меня – девять классов и десятый коридор. Да и то одни тройки. Это уж когда я к Батяне попал, хоть по иностранным языкам немного подтянулся.

– «Немного»!.. – посмотрев на него, хмыкнул Хромин. – Английский и китайский – в разговорном варианте. Скромничает, блин! Сашок у нас талант от природы – за два года два языка осилил. А я, блин, инглиш с дойчем до сих пор грызу.

– Постой, постой... – Здоровяк был явно ошеломлен услышанным. – Вас еще и языки учить заставляют?

– Почему заставляют? – Федоренко пожал плечами. – Мне самому это нравится. Отслужу – смогу работать переводчиком. Это уже, считай, хорошая специальность – не мешки на горбу таскать.

– А по-китайски можешь что-нибудь сказать? – уже без тени ехидства спросил «фитиль».

– Ни цзяо шэммэ минцзы? – с типично китайскими мяукающими интонациями произнес Сашок. – Нин цзюедэ шуфу ма?

– И что это означает? – вытаращился здоровяк.

– Как вас зовут? Как вы себя чувствуете? – впервые за все время разговора улыбнулся Федоренко.

– И ты это сможешь написать ихними, этими самими... Как они там? Иероглифами, что ль? – доставая из кармана блокнот и авторучку, отчего-то загорелся сидевший с краю крепыш с бицепсами внушительного вида.

– Пожалуйста...

Сашок взял блокнот и авторучку и на глазах изумленных курильщиков вывел на чистой странице целый ряд замысловатых иероглифов.

– Я хренею... – Здоровяк, таращась в блокнот, скомкал сигарету и швырнул ее в старое ведро, служившее мусорной урной. – Все! Брошу пить, курить... влюбляться, буду спортом заниматься! – под общий смех объявил он.

– Здорово! – однозначно оценил крепыш, пряча блокнот. – Но вы, ребята, не подумайте, что мы тут совсем уж никуда, что лаптем щи хлебаем. На турнике с кем-нибудь попробуем посостязаться? Кто сделает больше выходов силой на обе руки?

– Без проблем... – Сашок пожал плечами. – Но вообще-то можешь сам выбрать, с кем соревноваться. Чтобы не подумал, будто мы на «подставах» выезжаем.

– Лады! – Крепыш, окинув взглядом спецназовцев, ткнул пальцем в Мишку Барашина. – Вот, с тобой давай...

Обе компании, предвкушая нечто весьма интересное, направились к установленному неподалеку от столовой секционному турнику, представляющему собой ряд вбетонированных в землю двухметровых труб-стоек с приваренной поверху перекладиной из трехчетвертной водопроводной трубы. Сняв даже майки, парни подпрыгнули и, пару мгновений повисев, по команде здоровяка начали без особого усилия выбрасывать себя вверх рывком обеих рук.

– Один! Два! Три! Четыре! Пять!.. – хором считали зрители, в душе болея каждый за своего участника этого спонтанно начавшегося состязания.

Впрочем, на счет «шесть» крепыш поднялся над турником уже с большой натугой, а седьмой раз осилил на последнем остатке сил, тогда как Барашин вполне уверенно выполнил упражнение двенадцать раз. Когда он спрыгнул, крепыш уважительно протянул ему руку.

– Ну, ты молоток! Да, подготовочка у вас нормальная... Едри его! Может, и мне к вашему Батяне попроситься? Что-то меня прямо торкнуло...

– Подойди, поговори, – отвечая на рукопожатие, Мишка чуть пожал плечами. – Мужик он нормальный, без понтов и закидонов.

...Стоя у окна кабинета, генерал Густинин и майор Лавров наблюдали за развернувшимся состязанием. Когда все закончилось и парни общей компанией направились к столовой, хозяин кабинета сокрушенно посетовал:

– Ты смотри! Ну, майор, обскакал твой десантник моего Костю. Это – Костя Богодушин, он кандидат в мастера по армрестлингу. У нас на спортивных праздниках всегда занимает только первые места. Да-а-а... Ребята у тебя не хилые, ничего не скажешь... Так, значит, вам нужно будет обеспечить транспорт на полигон и помочь с выездом в горы?... Ну, мне кажется, маршруты лучше выбрать в стороне Даштиджума. Это город, наподобие Куляба. Там есть самые разные варианты горной местности – и скальные образования, и плоскогорья, и долины...

В ходе только что состоявшегося разговора Андрей рассказал, что на базу для тренировок в условиях горной местности команда спецназа прибыла впервые. Поэтому генерал взял на себя труд согласовать с местными властями варианты выбора на местности подразделением Лаврова всевозможных переходов и марш-бросков.

– Даже не верится, что когда-то у нас была единая страна... – когда разговор в основном был уже завершен, закуривая, с досадой заговорил Густинин. – Ну, стала местная верхушка в девяностых «самостийной». А толку с того? Вот последние годы немножко-немножко начали оживать. А до этого что было? Нищета и хаос. Да еще и гражданская война. Вон, на востоке до сих пор с боевиками никак не разберутся. То и дело проводят зачистки. А тут еще Китай со своими территориальными претензиями.

– Что, у Китая и к таджикам есть претензии? – удивился Андрей.

– Еще какие! – пуская дым, саркастично хохотнул генерал. – Аж на двадцать три тысячи квадратных километров территории. Вот так-то!

– Ну а что же таджики?

– А что они? С Китаем ни в военном, ни в экономическом отношении им не тягаться. Надо как-то ладить... А как ладить? Путь только один – идти на уступки. Уж если Россия поддалась на китайский шантаж и отдала часть своей территории, то таджикам вообще деваться некуда. Ну, понятное дело, двадцать три тысячи они отдадут вряд ли, но как минимум тысячу реально отдать придется... Казахи с киргизами уже «отстегнули» понемногу каждый.

– И они тоже?! – Лавров, не выдержав, рассмеялся. – Надо же! Недаром во времена Союза постоянно упоминалось о «великоханьском гегемонизме». Я тогда хоть и пацаном был,

но помню... Впрочем, что там говорить? В Сибири сам с ними сталкивался. Около года назад во время учений пришлось даже в перестрелку вступить с бандой браконьеров, заготовлявших лес с использованием рабского труда. Там, правда, был интернационал – местные, сибирские бандиты с китайцами.

– Стоп, стоп, стоп! – Густинин вскинул руку с дымящейся в ней сигаретой. – Что-то такое я слышал. Китайцы вроде бы предъявляли нам претензии в связи с «убийством китайских граждан на территории России». Да-а... Помню, помню... Я как раз в Москве был по делам, и мне в Минобороны знакомый об этом рассказывал. Так вот, оказывается, с кем свела судьба!.. Что ж там хоть было-то, расскажи.

Выслушав повествование о зимнем марш-броске спецназовцев по безлюдной тайге, во время которого были обнаружены привязанные к деревьям замороженные люди, о происшедшей следом стычке, в ходе которой было убито несколько бандитов – и русских, и китайских, что стало причиной «разбора полетов» в весьма высоких инстанциях, он тягостно вздохнул¹.

– Видишь, чего получается... За бандюг едва не посадили! И только потому, что они китайцы. Да, недаром Столыпин предупреждал о том, что однажды желтая волна с востока может захлестнуть всю Россию. А тут еще – Афган у нас всех как шило в боку. Американцы туда вошли, вроде чтобы установить мир и навести порядок, а на деле бардака в чем-то стало даже больше. Наркоту оттуда прут – тоннами. Сейчас, правда, таджики перевозчиков начали немного окорачивать, а то ж когда, было дело, убрали наших пограничников – вообще началась полная вакханалия. Ну, в Душанбе понимают, что талибы в Афгане опять могут взять власть, и тогда тут снова станет жарковато. А подмоги придется, как всегда, просить у России...

...Когда Лавров вновь заглянул в «кубрик» к своим «орлам», те уже были на месте, оживленно обсуждая услышанное от здешних «старожилов».

– Ну что, честь спецназа не уронили? – смеясь, поинтересовался он, найдя взглядом Барашина. – Видел, видел... Молодец!

– А когда? Как? Откуда? – Парни удивленно переглянулись.

– Мы с командиром базы в окно наблюдали. Так что вы его одновременно и восхитили, и огорчили, – пояснил Андрей. – Кстати, что там за головы в тибетейках торчат из-за ограждения?

– А-а-а!.. – Хромин понимающе мотнул головой. – Это местные «бача». Бизнесом тут занимаются.

– Бизнесом? И что же у них за бизнес, у этих «бача»? – усмехнулся Лавров, присаживаясь на табурет.

Готовясь к поездке в Таджикистан, верный своей привычке хоть в какой-то степени владеть языком страны пребывания, он достаточно основательно проработал русско-таджикский разговорник и хорошо знал, что по-таджикски в буквальном переводе «бача» означает «ребенок». Ну а с учетом местного жаргона – «парень», «пацан».

– Бизнес у них обыкновенный... – Иван пожал плечами. – Типа «купи-продай». Что хочешь могут предложить – и в смысле вещей, и деньги в долг предлагают процентов под двадцать, и даже водку с наркотой. Кстати, водка здесь, говорят, сплошь «паленая», да еще, бывает, намешана с героином. Жуть!

– Да тут вообще, говорят, могут достать все что угодно, лишь бы деньги были, – вступил в разговор Шмельцов. – Вон, иду мимо забора, один зовет: эй, бача, тебе нича не нада? Спрашиваю: а что у тебя есть? Он: девка хочешь? Черненький, беленький, русский, таджичка, толстый, тонкий? Какой надо – все есть! Травка хочешь? Водка, гера хочешь? Я говорю: нет, бача, этого мне не надо. Так он не отстаёт: деньга в долг нада? Совсем дешево! Говорю ему:

---

¹ Об этом рассказывается в романе С. Зверева «Принуждение к миру».

да я тут ненадолго, уеду – с кого долг будешь брать? Он: ну ладно, если чё нада – говори, все достану! Бизнесмен хренов...

– У них тут, говорят, дерево в обалденной цене, – со значением в голосе сообщил Барашин. – Охалка хвороста – двадцать сомони, а то и больше. Это что-то около ста тридцати рублей. Банщик рассказывал, у них на территории этим летом сухие деревья спиливали, так он как сыр в масле катался. Их же все равно или сжигать должны были, или выкидывать. Вот он и приспособился бачам их толкать по тридцать-сорок сомони за дерево. Говорит, лет пять назад это были неплохие деньги. Но сейчас у них все дорожает, в общем, не зажируешь.

– Да, житуха у них тут сейчас хреноватая... – согласился Кедров. – У многих мечта всей жизни – уехать навсегда в Россию. Костя этот, с которым Мишка соревновался, рассказывал... Он тут на одной улице подружился с местными ребятишками, и когда в увольнение идет, всегда покупает им мороженое. А среди них одна девочка все время была, тоже лет восьми. Она немая, Костя ее больше всех жалел. И вот недавно пошел в город, эта компания уже бежит ему навстречу. А девочки той не видать. Он им говорит – скажите, пусть придет, возьмет мороженое. Пацаны убегают, возвращаются, а следом за ними идут мужик с бабой, ведут деваху лет восемнадцати и начинают убеждать его взять их дочь себе в жены. Он им объясняет, что у него уже есть невеста, а они ни в какую – бери! Еле выкрутился. Вот такие тут дела... – саркастично хмыкнул он.

Прочие тут же включились в обсуждение услышанного и увиденного, повествуя о тех или иных деталях здешнего бытия, в конечном итоге придя к общему выводу, что уж если и в России жизнь не «малина», то здесь и вовсе – полный «звездец».

– В общем, я так понял, вы тут и со «старожилами» неплохие контакты уже установили, и обстановку изучили вполне ничего... – Поднявшись с табурета, Андрей направился к двери. – Кстати, вы уже поели?

Блаженно жмурясь, Шмельцов сообщил, что их новые знакомые в столовой организовали неплохой стол, заодно подчеркнув, что готовят здесь неплохо.

– ...А вы сейчас в столовую? – уточнил он.

– Нет, не совсем туда... Коллеги пригласили в офицерское кафе. Теперь о планах на завтра. Нагружать вас не буду – отдыхайте. Можете в спортгородке позаниматься, по городу погулять... Кстати, здесь есть своя библиотека; надо узнать, есть ли там подробная карта Таджикистана. Я завтра с утра еду смотреть полигон, потом – в сторону города Даштиджума. Доеду, гляну, что там за маршруты. А послезавтра с утра уже все на полигон, потом в горы, минимум на неделю.

Выйдя из «кубрика», он не спеша поднялся к себе. До намечавшихся посиделок в кафе было еще около часа. Его пригласили в свою компанию встретившиеся у входа в штаб два майора и капитан, которые по каким-то своим делам шли к начальнику штаба. Все трое, как на подбор, оказались волжанами, только из разных мест. Начальник автопарка, майор Вязьмин представился как нижегородец, командир роты мотострелков капитан Рыльков родом был из Астрахани, а еще один майор, по фамилии Царин, – из Волгограда. Более того, все трое оказались хроническими холостяками. Впрочем, как успели ему рассказать спецназовцы, семейных офицеров и даже контрактников на базе проживало подавляющее большинство. Здесь даже имелись свой детский сад и школа.

Войдя к себе в комнату, Лавров включил свет и, достав из дорожной сумки русско-таджикский разговорник, некоторое время сидел с полужакрытыми глазами, внутренне сосредоточиваясь и настраиваясь на запоминание больших объемов информации. Такую систему подготовки памяти он почерпнул из методик индийских йогов. Впрочем, пользовался он ею не в полном объеме и поэтому едва ли мог бы тягаться с униками, способными с первого же прочтения выучить наизусть бесконечно длинную «Махабхарату». Минуты через три,

ощутив внутреннюю отрешенность от окружающей обстановки и свою полную и безоговорочную устремленность на запоминание, Андрей неспешно начал повторять слова и выражения:

– Гора – кух... Река – дарьё, нахр... Как поживаете – ахволатон чи хел...

Он уже не единожды убеждался в том, что знать язык, обычаи и нравы страны пребывания никогда не бывает лишним. Ухитрившись за один этот год побывать в нескольких точках планеты, он убедился еще и в том, что чем больше времени выделишь на изучение тех мест, куда заносит беспокойная судьба спецназовца, тем больше шансов избежать ненужных проблем, неминуемо возникающих независимо от того, ждешь их или нет...

Вот сейчас он в Таджикистане. Здесь еще со времен Союза в городах русским языком владеют очень многие. Зато в сельской местности, в глубинке, говорить придется только таджикски. Так не лезть же за каждым словом в карман! Проще заранее выучить хотя бы основное, что необходимо для общения.

Еще по пути в Куляб он думал о том, что надо будет хорошенько проштудировать карту Таджикистана. В штабе ему пообещали дать хороший, подробный атлас. Впрочем, можно будет в городе проехать по книжным магазинам и поспрашивать там...

– ...Когда – кай, дарс кай... Где – кучо аст... Куда – ба кучо...

Сколько же ему пришлось учить языков, пусть и бегло, пусть на «туристическом» уровне... Киргизский, сомалийский, индонезийский... И вот теперь – таджикский. Благодаря используемой методике запоминания все им освоенное как было, так и осталось в памяти. А пригодится ли все это ему еще хоть когда-нибудь? Вряд ли... Ну и что? В жизни ничего бесполезного не бывает. В конце концов согласно медицинской статистике, изучение чужих языков – лучшее средство от грядущего старческого маразма. Вспомнив о сегодняшней встрече, Батяня взглянул на часы и понял, что время уже вышло и ему пора.

Глава 2

Кафе размещалось в боковом крыле столовой, куда вел отдельный вход со стеклянным вестибюлем и фасонистыми занавесками на окнах, с множеством рюшей и складок. На правах аренды помещения его открыл местный бизнесмен. На столе, уставленном даже по меркам российской провинции вполне небедно, среди прочих высилась бутылка марочного коньяка. Ее привез с собой Лавров, словно предчувствуя, что здесь она лишней никак не окажется. Впрочем, своих визави он заранее предупредил о том, что с учетом завтрашних разъездов употребит чисто символически.

После тоста за Волгу, «чтобы она никогда не обмелела», тоста за службу, чтобы была не в тягость, а в радость, а также за всех тех, кто носит российские погоны, начались разговоры «за жизнь». Волгоградец Царин, нещадно дымя, всю «бомбил» таджикскую верхушку, которая настояла на замене российских пограничников своими.

– ...И ты думаешь, под чью дудку они сплясали? – сурово вопрошал он. – Афганская наркомафия это дело проплатила, да еще и ИДУ тут подсуенилось не слабо...

– Что за ИДУ? – заинтересовался Андрей.

Поморщившись, Царин пояснил, что это аббревиатура Исламского движения Узбекистана. По его словам, этот крупнейший афганистанский мафиозный синдикат заправлял делами и в самом Афгане, и в Таджикистане, и в Киргизии. От сотрудника местной спецслужбы, именуемой агентством по контролю за наркотиками, Царин слышал, что почти весь объем наркоты, которая сегодня идет в Россию, перевозится именно этим ИДУ. Царин был твердо убежден, что именно ИДУ развязало в Киргизии смуту, чтобы устранить Бакиева, который, при всех своих минусах, наркотрафик пресекал весьма решительно.

– ...Теперь через Киргизию наркоты к нам поперло вдвое больше прежнего... – сокрушенно заключил он.

– Ну, ты и тему нашел для разговора! – саркастично хохотнул Вязьмин. – Кому это интересно?

– Кому, кому... Всякому, у кого голова имеется, – сердито парировал Царин. – У меня племянника, студента, он жил в Твери, прошлым летом похоронили – передоз. А теперь и его младший брат подсел на иглу. Я, может, из-за этого и жениться не стал. Как подумаешь иной раз, что мой ребенок окажется в наркоманах, – дурно делается... Нет уж, лучше вообще детей не иметь, чем самому их однажды хоронить.

– Не обращай внимания, Андрей... – Наполняя рюмки, Рыльков склонился в сторону Лаврова. – Это у него всегда так, чуть выпьет. Личная жизнь не сложилась, поэтому и пребывает мужик в состоянии хронической меланхолии. Он года два назад сюда невесту привез, так она на следующий же день отсюда смылась. Вот теперь он баб и не любит. Да и вообще воспринимает мир в черных красках.

– А сам ты чего холостой? – прищурился Лавров.

– Да я не совсем и холостой... – рассмеялся тот.

Хитро улыбаясь, Рыльков поведал, что в местном брачном законодательстве есть оригинальное положение, узаконивающее так называемый «временный брак». Его можно заключать хоть на час, хоть на год, хоть на десять. Бумажку подписал – и живи с очередной временной женой, пока не надоели друг другу. А надоели – разбежались без особых сложностей и проблем. Потом можно точно так же сойтись с другой... По словам Рылькова, подходящих кандидатур во «временные жены» в Кулябе, как, впрочем, и во многих других городах Таджикистана, предостаточно.

– ...Экономическая ситуация упрощает нравы даже в мусульманской стране, – Рыльков многозначительно воздел указательный палец. – Кстати, Андрей, а ты к нам сюда надолго?

– Предполагалось на месяц... – Лавров пожал плечами. – Но, может быть, управимся и недели за полторы.

– Ну и к чему все это время томиться в одиночестве? Вот я... Без пищи проживу месяц. Без воды и водки – неделю. А вот без женщин... Дня три от силы. Так что, Андрей, не теряйся. Смелее в бой! – Рыльков тряхнул вздетым кулаком.

– Кстати, насчет боя... – в разговор снова включился Царин.

Судя по всему, слово «бой» для него стало неким кодом, побуждающим к философствованиям на стратегические темы. Выразив уверенность в том, что спецназ в Куляб для подготовки прислали неспроста, он особо подчеркнул недолговечность пребывания американцев в Афганистане. Поскольку в реальности талибы контролируют почти все афганские провинции, очень скоро может получиться так, что они погонят оттуда американцев и их союзников со всей имеющейся военной мощью. Но следующим этапом их наступления неизбежно станет Таджикистан. А кулябская база, даже имея неплохое техническое оснащение, орду фундаменталистов долго удерживать не сможет.

– ...Вот, видимо, именно поэтому в перспективе и решили подкрепить нас спецназом. Или я неправ? – Царин впери в своего собеседника испытующий хмельной взор.

– Наверное, прав... – Андрей неопределенно пожал плечами. – Хотя вообще-то со своими ребятами я бываю и в тайге, и в пустыне, и вот теперь – в горах... Спецназ – на то он и спецназ, чтобы воевать в любой обстановке.

– Р-ребята! Мужики! – Вязьмин поднял свою рюмку. – Выпьем и за спецназ, и за всех нас!..

...Муэдзин все распевал и распевал, наверное, в душе гордясь своими вокальными способностями. Хотя, действительно, если вот так, «от фонаря», попробовать воспроизвести его пение, то, скорее всего, ничего не получится.

«Интересно было бы узнать – это он такой горластый от природы или поет через усилитель? – вставая с кровати, мысленно отметил Лавров. – Ну, дела! Вроде вчера выпил-то ерунду, а в голове черт-те что творится!..»

Энергичная разминка и принятый следом холодный душ быстро вернули ощущение внутренней бодрости. Покончив с утренними процедурами, Андрей направился в столовую. Пройдя в уже почти опустевший зал, он направился в кабинет для командного состава. Там завтракало около десятка человек, среди которых Андрей увидел и своих вчерашних собеседников-собутельников. поприветствовав офицеров и прапорщиков, он направился к свободному столу, но Рыльков, оторвавшись от своей тарелки, энергично замахал рукой, приглашая к себе.

Дежурный по столовой в чистой белой полотняной куртке сноровисто доставил поднос с завтраком. Хитро ухмыльнувшись, Рыльков вполголоса поинтересовался:

– Как самочувствие?

– Отлично... – Андрей придвинул к себе тарелку с вполне аппетитно пахнущим супом. – С учетом некоторых обстоятельств – просто замечательно.

– Ой, а у меня башка разламывается... – посетовал Царин. – Слушай, вчера я не слишком достал тебя своей геополитикой?

– Да нет, все было нормально, – приятельски улыбнулся Лавров. – Некоторые моменты вообще были очень даже интересными и полезными.

– Серьезно? – под смех Рылькова и Вязьмина удивленно переспросил Царин. – Надо же! После стольких тостов он еще что-то мог воспринимать и запоминать?.. О, голова!

В этот момент у Андрея зазвонил сотовый. Это была Галина...

Сразу же после его возвращения из Индонезии они встретились в том же причерноморском санатории, куда он отправился, едва отметившись в штабе бригады, и решили уже не разлучаться. Но... Внезапно вмешалась ее мамочка – чопорная особа, почему-то с первого же

взгляда невзлюбившая Лаврова. Та высказалась категорически против того, чтобы ее дочь связала свою судьбу с военным, да еще в звании «всего лишь» майора. Вот если бы избранник Галины оказался генерал-майором... Поэтому, по общему согласию с Галей, они решили не торопить события и немного подождать.

– Здравствуй, как ты там? – спросила она своим необыкновенным, как назвал его про себя Андрей, «искристым» голосом.

– Здравствуй... – поздоровался он, не скрывая своего обожания. – Я уже на месте. Осваиваюсь... А ты как?

Они говорили о малозначащих пустяках, но слова тут были всего лишь оболочкой того, что они заключали в себе. Главным здесь было взаимное притяжение душ, для которых не существовало никаких расстояний. Когда разговор закончился и Андрей положил телефон в карман, Рыльков вполголоса поинтересовался:

– Жена?

– Надеюсь, в самом недалеком будущем... – задумчиво улыбнулся Лавров.

– Счастливчик! – с оттенком зависти Рыльков вздохнул и доверительно посетовал: – А вот мне в этом смысле особо-то и не везет. Нет, с бабами у меня все о'кей. А вот чтобы найти такую... Ну, чтобы кроме нее больше никого не видеть – не доводилось.

– Знаешь... – Андрей говорил, глядя в пространство и чему-то улыбаясь, – все это в нас самих. Ведь можно потерять голову и из-за той, что для других – вообще никто и ничто. А можно и самую красивую, самую достойную снивелировать для себя ниже плинтуса. Тут главное – что? Надо чаще думать о женщинах примерно так: все они развратные, все они изменщицы... Этого хватит, чтобы остаться одиноким. Ты ж, наверное, когда-то крепко обжегся? Вот! Теперь и строишь из себя конченого циника. А свои сердечные раны глушишь тем, что сам их наносишь другим.

– Гм... – Рыльков удивленно воззрился на Лаврова. – Ну ты даешь! Никогда бы не подумал, что в спецназе водятся такие продвинутые психологи. Хотя... Быть психологом, наверное, ты просто обязан? М-да-а... Если честно и откровенно, то это было. Когда-то меня предали еще хуже, чем его... – он кивнул в сторону Царина.

– А ты попробуй простить ту, что тебя предала... – Андрей в упор посмотрел на внезапно погрузившегося в думы капитана. – Просто взять – и забыть об этом. Ведь это все уже в прошлом... Что его за собой таскать, как чемодан без ручки? Разом обруби – и для себя начни все сначала. Тем более что жизнь – это как полигон, где все возможно, где ты сам ставишь мишени и сам решаешь – будет попадание или нет. Эх, ё-мое! Пока болтали, суп-то стал еле теплый! – спохватился он, зачерпнув ложкой из тарелки.

Наблюдая за ним, Рыльков сидел, подперев голову рукой.

– Да, мысль резонная, – наконец согласился он. – Это надо бы хорошенько обмозговать...

После завтрака Лавров решил провести своих подопечных, но тех в казарме не оказалось. Их он нашел в спортивном городке. Дивя собравшихся зрителей, которые «с понтом» дымили табачными изделиями и меж собой комментировали происходящее, спецназовцы невозмутимо работали на спортивных снарядах и проводили спарринги. Подойдя к отдельно обосновавшемуся трио зрителей, судя по всему, тутошним «дедам», которые с язвительностью высказывались о Федоренко, без натуги выполняющем на турнике обратный выход силой, он иронично констатировал:

– Если самим слабо, так хоть похихикать над тем, кто это может делать?

«Деды» сразу же примолкли, недовольно косясь в сторону этого так некстати появившегося майора, вяловато подняв руку к козырькам армейских кепи.

– Мы свое на турнике уже отболтали, товарищ майор... – наконец изрек один из них. – Пусть там теперь салаги болтаются.

– Вообще-то применительно к сроку службы, по отношению к моим парням салаги – это вы, – усмехнулся Андрей. – Эти ребята имеют в своем активе минимум два года службы. И какой службы! А иные уже и три-четыре. Плюс надо учитывать то, что некоторые из них уже участвовали в спецоперациях и противника видели не на картинке, а лицом к лицу. Вы вот фактически уже отслужили в армии. А, сказать по совести, солдатами так и не стали. Сейчас любой из вас столкнись на гражданке с отморожком, который покрупнее, – и вы биты. А если вдруг придется защищать свою жену, ребенка?.. Что вы сможете противопоставить? Позовете милицию? Так сегодня там тоже частенько все те же условно подготовленные слабаки...

Парни явно были уязвлены сказанным. Один из них, бросив сигарету в урну, с вызовом посмотрел на Лаврова.

– Думаете, и я так не смогу? – кивнув в сторону Федоренко, самолюбиво спросил он.

Подойдя к свободной секции турника, «дед» подпрыгнул и повис, как видно, пытаясь сосредоточиться. Подтянув ноги к голове, он перебросил их через перекладину и, выгнувшись дугой, попытался подтянуть к ней свою поясницу. Но... Его зад уперся в трубу и, несмотря на все усилия, перебросить свои чресла наверх парню так и не удалось. Потеряв равновесие, он беспомощно опрокинулся ногами назад и, покраснев от запредельной натуги и конфуза, спрыгнул на землю. Спецназовцы, наблюдавшие за его неудачной попыткой выполнить, в общем-то, элементарное упражнение, к происшедшему срыву отнеслись спокойно. Никто не издал даже намек на язвительное междометие. Но сам оконфузившийся «дед» и без этого выглядел скисшим и расстроеным.

– Разрешите идти? – сдавленно буркнул он, посмотрев на Андрея.

– Иди... – На лице Лаврова промелькнула одобрительная улыбка. – Но ты все равно молодец.

– Почему? – озадаченно воззрился тот.

– Потому что не побоялся хотя бы попробовать свои силы. Иные и на это не способны. Так что у тебя еще не все потеряно. Кстати, хочешь, кое-что покажу?

Подойдя к той перекладине, на которой только что беспомощно болтался «дед», Андрей подпрыгнул и схватился за нее одной лишь правой рукой. Без кряхтения и натуги, в положении «жим к себе», он подтянулся на ней пять раз, после чего, поменяв руку, столько же подтянулся и на левой. Спрыгнув на землю, он подмигнул ошарашенному «гимнасту».

– Тебе до дембеля сколько осталось? Две недели? Это тоже срок. Поднакачайся, чтобы домой прибыл орлом, а не мокрой курицей. Чтобы девчонки с ума сходили – солдат пришел! А «вареных макарон» с соплями по пояс из числа маменькиных сынков, знаешь, на гражданке сегодня и так переизбыток.

Собрав своих подопечных, Лавров лаконично известил:

– Я на полигон и в Даштиджум. Буду после обеда. Старшим остается Хромин. Вопросы ко мне есть?

– Так точно, товарищ майор... – чему-то непонятно улыбнувшись, откликнулся воронежец Сорожкин. – А в город когда можно будет выйти?

– Хм... Что, Гриша, решил взглянуть на местную архитектуру или восточными красавицами захотелось полюбоваться? – Андрей иронично прищурился. – Смотри, а то тут в один миг оженят...

– Никак нет, товарищ майор, меня интересуют исключительно местные достопримечательности, – на лице Сорожкина засияла откровенно плутовская улыбка.

– Ну-ну-у... – с оттенком недоверия резюмировал Лавров. – Значит, так! До обеда – занимаетесь, обедаете и до пяти можете быть свободны. На КПП я поставлю в известность дежурного по части. Но! Ваня, за Гришу отвечаешь, как дуэнья за невинность дочки испанского гранда. Кстати, было бы неплохо использовать этот выход для совершенствования знания таджикского языка. И не в плане того, как круче «загнуть» в несколько этажей на местном

диалекте или какую-нибудь дурочку охмурить, а в плане обычного бытового общения! Ну все, работайте...

Смеясь, спецназовцы разошлись по площадке, а Лавров направился к штабу, собираясь определиться с замом по тылу о времени выезда на полигон. Неожиданно он увидел перед собой того самого крепыща, который вчера состязался со Шмельцовым. Вскинув руку к козырьку и явно волнуясь, Костя скороговоркой оттарабанил:

– Товарищ майор разрешите обратиться?

– Обращайтесь... – тоже подняв руку, Андрей кивнул, зная заранее, о чем пойдет речь.

– Товарищ майор, а... Как бы мне можно было бы... продолжить службу в вашей части? – сбивчиво спросил Костя, скорее всего, в душе опасаясь услышать отказ.

– Все очень просто... – Лавров говорил без малейшего намека на значительность или какое-либо ерничанье. – Здесь служить сколько осталось? Меньше месяца? Ну что ж... Отслужишь – езжай домой, отдохни. Потом иди в военкомат и напиши соответствующий рапорт. Но перед этим позвони мне, чтобы мы имели это в виду и военкоматчики не забросили тебя куда-нибудь еще. Только сразу предупреждаю: постарайся бросить курить.

– Уже бросил, товарищ майор! – с некоторым даже вызовом уведомил тот. – Со вчерашнего дня.

– Силен! – одобрительно отметил Андрей, продолжив путь к штабу.

...В его подразделении однажды уже был такой доброволец (иноземное слово «волонтер» Лаврову нравилось не очень). Парень пришел к ним после службы в морской пехоте. Хорошо подготовленный, физически сильный, он очень скоро стал одним из лучших. Когда Андрей набирал команду для прохождения подготовки на Кавказе, то взял с собой и его. Их было двадцать человек, молодых спецназовцев, которые уже прошли основные этапы подготовки на приволжской базе, но еще не имели реального боевого опыта. Андрей был двадцать первым.

Во время прохождения через горный перевал на границе между Дагестаном и Чечней от генерала Федина поступила информация о том, что в районе высокогорной подготовки группы спецназа вполне вероятно появление крупной банды ваххабитов, направляющихся в Дагестан. В бой ввязываться не рекомендовалось. Необходимо было лишь отследить маршрут продвижения бандитов, а затем, по прибытии основных сил спецназа, принять участие в ликвидации группировки.

Но все получилось совсем не так, как предполагалось. Кто-то успел сообщить ваххабитам о спецназовцах, ушедших в горы, и те решили устроить засаду. Если бы коварная задумка бандитов сработала, то в живых из двадцати одного спецназовца, включая и их командира, не осталось бы ни одного. Но Батяня – на то он и Батяня – вовремя успел раскусить задумку врага, и хотя прямого боестолкновения с бандой из полусотни боевиков избежать не удалось, финал был вовсе не таким, как было задумано чужаками.

Умело рассредоточив своих «орлов цвета ультрамарин» по всей линии ваххабитской атаки, он вынудил бандитов перейти к обороне. Понимая, что вот-вот прибудет подкрепление и тогда их песенка спета, ваххабиты несколько раз пытались атаковать позиции спецназовцев, но всякий раз вынуждены были отступать, теряя убитых. Впрочем, и среди спецназовцев появились потери. Особенно досаждал пулемет, молотивший с каменной возвышенности. Именно он больше всего мешал спецназовцам перемещаться и выбирать более удобные позиции для ведения ответного огня.

И тогда снять пулеметчика отправился бывший морпех Виталий Ромашкин, боец спецназа с мирной деревенской фамилией. Неведомо как, но он ухитрился переместиться на позиции ваххабитов почти по отвесной каменной стене и, неожиданно появившись перед двоими бородачами, одного из них уничтожил броском десантного ножа, а другого – ударом рукоятки автомата.

Теперь путь к пулеметчику был открыт. Виталий двинулся вверх по склону, маскируясь за каменными глыбами, однако был обнаружен, и в его сторону тут же потянулись свинцовые пунктиры автоматных очередей. Отстреливаясь, он израсходовал весь свой боезапас, однако отступить и не подумал.

Схватка с пулеметчиком – двухметрового роста верзилой с черной как смоль бородой и свирепо оскаленными прокуренными зубами – была короткой, но предельно жестокой и яростной. Дрались на ножах – ваххабит, бросив пулемет, ничего другого, кроме ножа, схватить не успел. Получив два касательных ранения от острия длинного кривого кинжала, которым бешено размахивал бандит, Виталий сумел улучшить момент и, на мгновение блокировав его руку, нанести скользящий удар в пах, после которого по ноге ваххабита хлынул поток крови из перехваченной ножом бедренной артерии. Вторым ударом в правый подвздох он добил своего противника.

Но почти сразу же сзади раздалась автоматная очередь, и спину Виталия прошило минимум десятком пуль, не оставив ему и малейшего шанса выжить. Впрочем, «храбрец», стрелявший в спину спецназовцу, всего мгновение спустя сам повалился на камни с черепом, развороченным автоматной очередью.

Лавров, заметив продвижение Виталия по склону, приказал открыть огонь на подавление тех, кто пытался помешать спецназовцу добраться до пулеметчика, а сам немедленно отправился следом. Он опоздал всего лишь на мгновение...

...Войдя в вестибюль первого этажа, Андрей уже подходил к кабинету зама по тылу, как неожиданно сверху послышался голос генерал-майора:

– Майор, зайди ко мне на минуту!

Сразу же поняв в чем дело, Лавров, едва сдерживая ироничную улыбку, поднялся в кабинет командира базы. Тот, насупившись мрачнее тучи, расхаживал по кабинету, заложив руки за спину.

– Товарищ генерал-майор! Майор Лавров по вашему при... – начал было докладывать Андрей, как того требовал устав, но Густинин не дал договорить.

– Слушай, майор, ты чего это взялся мои лучшие кадры к себе переманивать? – сердито громыхнул он.

– Вы о Косте? – Лавров понимающе кивнул. – Товарищ генерал-майор, я никого отсюда не переманиваю. Да, парень спросил о службе в нашей части. Да, я сказал ему, что это возможно. Но это не говорит о том, что наш разговор – это моя какая-то злонамеренная акция. Кстати, простите за вопрос... Я так понял, уговорить его остаться здесь по контракту вам не удалось?

– Да дожал бы я его, дожал бы! – продолжая расхаживать, прорычал Густинин. – Он уже вроде бы заколебался... А тут ты появился со своими суперменами. Вот у него самолюбие и загорелось... Черт побери! Ну, паразит! Если уедет – не видать ему Люськи как своих ушей... – пробормотал он себе под нос.

– Простите, вы имеете в виду свою дочь? – догадался Андрей.

– Вот именно... – буркнул генерал.

Из его дальнейшей, рвущейся из души тирады явствовало, что он крайне недоволен «дурацким устройством жизни».

– А как же иначе-то? – размышлял вслух Густинин. К моей дурище совсем недавно в женихи набивался один завидный парень – красавец, выпускник престижного вуза, сын известных родителей... Чего еще надо бы? Нет! Бестолковая неслушница присохла к этому Косте Богодушину, как будто он медом мазанный. Детдомовец, без роду, без племени...

Роман генеральской дочери с бывшим детдомовцем, как это очень часто бывает, начался спонтанно и неподконтрольно родительскому оку генерала и его «половины». Случилось так, что ноутбук Людмилы, студентки МГУ, которая минувшим августом приехала к родителям

на каникулы, «поймал» какой-то каверзный вирус. Кто-то из штабных, как считал Густинин, в недобрый час посоветовал подключить Костю Богодушина. Дескать, тот в «железе» соображает очень здорово.

Даже не помыслив о возможных осложнениях, генерал дал Косте «ЦУ»: привести программное обеспечение ноутбука в надлежащий порядок. Тот действительно оказался сведущ по части ловли и изничтожения сквернавцев-вирусов. После его более чем двухчасовых усилий электронное устройство заработало безотказно. Но уже через два дня Людмила подошла к отцу с просьбой снова прислать компьютерщика – дескать, у нее опять вирус... Ну а когда она про вирус заговорила третий раз, отчего-то обеспокоившийся отец сразу же понял, что тут дело нечисто. Очень скоро выяснилось, что Людмила и Костя начали встречаться...

Нет, лично в отношении Кости ничего против Густинин не имел. Но его, привыкшего к тому, что все и вся на базе жило и действовало в соответствии с уставами, приказами и личными распоряжениями ее командира, раздражало нечто, неподвластное его воле. Как это так?! Дочь – плоть от его плоти, кровь от его крови – самовольно посмела влюбиться без учета мнения своего отца? А этот «хренов Ромео»! Тоже хорош, гусь лапчатый! Ему что было приказано? Привести в порядок ноутбук, наладить работу его программного обеспечения. И все! Никаких там тебе улыбок, комплиментов, всяких таких лирических «мур-мур»... Сделал дело – и будь здоров! Свободен! А он? Вскружил голову «дурище бестолковой», начал с ней встречаться. Сначала – тайком. А потом уже и в открытую до самого ее отъезда в Москву расхаживали под ручку по коттеджному жилому сектору базы и ходили гулять в город.

– ...И сейчас – это я знаю точно – чуть не каждый день по телефону чирикают. Ну ладно... – генерал отрешенно махнул рукой. – Раз понравился – встречайся. И что же? Теперь он, видите ли, надумал отсюда смыться! Значит, Люська ему уже побоку? Да и весной нам опять кого-то надо будет выставлять на многоборье... Кого я вместо него пошлю?

Лавров слушал молча, понимая, что волей случая оказался той самой пресловутой «жилеткой», которая призвана впитать горемычные генеральские слезы.

– Товарищ генерал-майор...

– Да ладно, уж... – глядя в окно, устало вздохнул тот. – Здесь можешь звать Игорь Павлович. Присаживайся...

Подойдя к столу, он тяжело плюхнулся в кресло.

– Видите ли, Игорь Павлович, – Андрей с невозмутимым видом тоже опустился в кресло и продолжил: – Как я понял этого Костю, парень он порядочный, с нормальным, уверенным взглядом на жизнь. Как говорится, с таким в разведку идти можно.

– Думаешь? – недоверчиво нахмурился Густинин.

– Уверен. И в этом еще больше убедился, выслушав вас. Если бы он был хитрым пронырой, каким-нибудь пройдошливым слизняком, уйти отсюда он бы в жизни не согласился. Но он не захотел стать генеральским зятем, а предпочел выбрать службу, в сравнении с которой здешняя – сущий курорт. Вы не находите? И еще... У женщин достаточно тонко развита интуиция. Проходимцев они зачастую чувствуют гораздо лучше, чем мужчины. Наверное, тот красавец ей потому и не приглянулся, что она почувствовала в нем какую-то гнильцу. Кстати, где он сейчас?

– Да вроде бы женился на американке и уехал в Штаты... – Генерал пожал плечами.

– Ну вот и вся его любовь... – Лавров развел руками. – Значит, ваша дочь ему нужна была лишь как подспорье для какого-то хитрого карьерного хода – и только.

– Та-а-а-а-а... – потерев лоб, Густинин побарабанил пальцами по столу. – Наверное, в чем-то ты и прав. Но все же оставить Костю здесь надежды я не теряю. Давай так... Я с ним попробую поговорить еще раз, ну а ты уж, будь добр, никакой агитации. Договорились?

– Безусловно, товарищ генерал-майор, – с наисерьезнейшим видом Андрей кивнул, поднимаясь с кресла. – Разрешите идти?

– А ты сейчас к кому шел?

– К вашему заму по тылу, он обещал мне выделить транспорт для поездки на полигон и в район города Даштиджума.

Генерал медленно поднялся с кресла.

– Понятно... Передай ему от меня лично, чтобы хорошенько там заправили машину, – о чем-то напряженно думая, распорядился хозяин кабинета. – А то знаю я его...

Спустившись вниз, Лавров зашел к подполковнику. Тот в этот момент куда-то уже собирался уходить. Войдя в кабинет и доложившись, Андрей услышал в ответ сокрушенное:

– Очень жаль, товарищ майор, но «Газель» мне сейчас придется отдать... э-э-э... В общем, это распоряжение командира базы. Ничего не могу поделать.

«Вот хитрозадый черт! – мысленно выругался Андрей. – Скорее всего, сам куда-то ехать намылился... С чего бы это вдруг генерал начал распределять машины?...»

– Товарищ подполковник, я только что разговаривал с генерал-майором Густининым, и Игорь Павлович распорядился передать вам, чтобы «Газель» для меня заправили по самую «завязку», – сообщил он, с убийственным спокойствием глядя на отчего-то вдруг суматошно задержавшегося тыловика.

Судя по всему, подполковника больше всего разволновало то, что Лавров назвал генерала по имени-отчеству. В его недоумевающем взгляде читалось: «Ну ни хрена себе! Он уже с генералом успел навести мосты... Ну и хват! С ним надо ухо держать востро...»

– Хорошо, секундочку! – закрывая кабинет, досадливо пропыхтел подполковник. – Я сейчас зайду к командиру, уточню... Если он отдает «Газель» вам, то какие могут быть разговоры? Здесь чуточку подождите...

Тяжело топая по ступенькам лестницы, он поднялся на второй этаж. Менее чем через минуту, растерянный и отчего-то взмокший, он, с не свойственной его комплекции резвостью, чуть ли не вприпрыжку спустился вниз и скороговоркой уведомил, что «Газель», уже полностью заправленная, через пару минут подойдет к КПП.

Отчего-то разочарованно вздыхая, он вышел следом за Андреем на крыльцо и, на ходу достав из кармана телефон, набрал чей-то номер. Спускаясь по ступенькам крыльца, Лавров услышал, как подполковник умоляюще увещевал своего собеседника:

– ...Солнышко, сегодня никак не получится. Ну что я поделаю? Приказ самого... Да... Ну, завтра, завтра... Что-нибудь другое подыщу... Да! Конечно, конечно!..

«Так во-о-т куда должна была отправиться «Газель»! – Андрей едва не рассмеялся. – В распоряжение какого-то «солнышка»...»

Он подошел к КПП и, заглянув в дежурку, увидел лейтенанта с красной нарукавной повязкой, на которой значилось «Дежурный по КПП».

– Добрый день, майор Лавров, – представился Андрей.

– Здравия желаю, товарищ майор. – По лицу дежурного было видно, что о Лаврове он уже слышан.

Пояснив лейтенанту, что после обеда он разрешил своим подчиненным погулять по городу, Лавров тут же за столом в дежурке составил пофамильный список спецназовцев и отдал его дежурному. Вскоре к воротам подлетела все та же «Газель» с ее неунывающим шофером Анатолием за рулем.

– Здравия желаю, товарищ майор! – широко заулыбался он, когда Андрей сел в кабину. – Куда едем?

– Давай вначале на полигон... – ответив на приветствие, распорядился Лавров.

Выбежавший из помещения КПП помощник дежурного отомкнул замок на воротах и открыл их створки. Дав газу, «Газель» вылетела с территории базы и помчалась по улице, застроенной одноэтажными особнячками.

– А я думал, что сегодня опять придется катать по городу мадам Эллочку! – крутя баранку, хохотнул Анатолий.

– Что за Эллочка? – поинтересовался Андрей.

– Гм-гм... Ну, это между нами, товарищ майор... – Шофер доверительно понизил голос. – Это любовница подполковника Кояшко. Ну, зама по тылу командира базы. Он уже достал этими поручениями – отвези ее туда, привези ее оттуда... То она себе новый телик купила, надо доставить. То картошки мешок взяла – затащи. А она еще... гм-гм... такая баба липучая – из «озабоченных»...

– Что, и к тебе приставала? – рассмеявшись, спросил Лавров.

– Задолбала уже! – Анатолий безнадежно покрутил головой. – Иной раз не знаешь, как от нее отделаться. Ну не бежать же с жалобой к Кояшко?! Мне-то она и близко не нужна – у меня дома невеста. Вот скоро поеду в отпуск, поженимся. Вот мой сменщик Витька – тот сам напрашивается ее возить. Этот тоже озабочен до предела... Ну, ему что за беда? Он годичник, ему весной уже на дембель. Кстати, я слышал, вы берете к себе Костю Богодушина?

– Ну, такое пожелание он изъявил... – Андрей утвердительно кивнул. – А что, об этом уже все знают?

– Так у нас тут какие могут быть секреты? – Бросив руль, Анатолий развел руками. – Минута – и всем все уже известно. Вот, показали вы Тоше Кирюшкину класс, как на одной руке надо подтягиваться... Тут же некоторых начала «жаба сосать» – а дай и я попробую. Сейчас ехал мимо спортгородка, почти половина турников занята. Пыжатыся, кряхтят... Комедия!

– А сам не пробовал? – усмехнувшись, Лавров прищурился.

– Про-о-о-бавал... – досадливо вздохнул тот. – Не осилил. Тоже оказался в категории «сосисок»... Ну, это у нас так называют тех, кто до перекладины допрыгнул, а вот выше – ни в какую. Э, ты куда? Совсем охренел?! – закричал он на молодого таджика, вылетевшего из переулка на старенькой фиолетовой «двойке».

Тот, как видно, привыкнув ездить не так, как предписывают разные бестолочи, сочинившие некие дурацкие правила дорожного движения, а в соответствии со своими личными представлениями о езде по городу, тоже что-то сердито заорал из кабины, жестикулируя руками.

– Тудышкина в никудышкину! – давая газу и объезжая «двоечника», Анатолий сокрушенно помотал головой. – Вот что с него взять? Продал ишака, купил жестянку и вместе с ней права, а в книжку заглянуть не догадался. Нет, в основном-то тут правила соблюдают. Но хватает и таких вот остолопов, которым что машина, что ишак...

Они мчались в южном направлении, оставив позади город, лежащий в огромной горной котловине. Дорога к полигону была точно такой же, как и всякая прочая дорога в районе южных отрогов Гиссаро-Алая. Где-то асфальт выглядел относительно новым, где-то изобиловал выбоинами. В одних местах дорога имела минимум поворотов и подъемов-спусков, а где-то представляла собой «американские горки» с самыми замысловатыми выкрутасами по горному рельефу. По мере приближения к северным склонам горного хребта Хазратишох, тянущегося с северо-востока на юго-запад, таких участков становилось все больше и больше.

Они пролетали мимо небольших куртин арчовников, вечнозеленого среднеазиатского можжевельника, и зарослей фисташки, растущих в тех местах, где весной и после летних дождей в низинах оставалось хоть какое-то количество влаги. Кое-где в отдалении виднелись и заросли орешника. Меж деревьев порхали какие-то пернатые, наподобие дикого голубя.

Глава 3

Полигон находился менее чем в полусотне верст от Куляба, по сути, всего лишь на несколько километров отстоя от таджикско-афганской границы. По пути слева и справа от дороги Андрей заметил несколько небогатых кишлаков, окруженных садами и уже убранными, обработанными под зиму полями, совсем небольшими по российским меркам.

Невдалеке от одного из них вдоль дороги шел старик, который вел за собой навьюченного хворостом ишака. Увидев машину с российскими номерами и эмблемой базы, старик приветственно помахал рукой и поклонился. Ответив на приветствие, Лавров удивленно отметил:

– Смотри-ка! Никогда бы не подумал, что русских здесь воспринимают до такой степени уважительно... Интересно, с чего бы это так?

– Ну, здешние старики к русским относятся неплохо, особенно к военным, – согласно кивнул Анатолий. – Все же именно Россия уберегла Таджикистан от набега талибов. Если бы те сюда вломились, то сегодня тут было бы хрен знает что. Старшие это понимают и ценят. А вот молодняк – эти по-разному относятся. Есть нормальные, вменяемые. Вон, даже у нас на базе служат прапорами. А есть обалдуи обалдуями. Те же бача, что отираются подле нашей базы. Так-то, если русские пацаны трое-четверо в город вышли – не суются. Но если попался один, могут и отхреначить за милую душу. Они же денег под процент нараздают, а сами забывают, кто у них брал. Ну и ловят того, кто хотя бы приблизительно похож, – давай бабло! Пиши расписку, что отдашь! А написал – бегут к командирам, требуют взыскать...

По словам Анатолия, за годы независимой жизни Таджикистана здесь рухнуло многое из старых правил и традиций. Если на селе почтение к старшим до сих пор непререкаемо и неоспоримо, то в городе находятся и такие из числа особо «отмороженных», кто мнение старика не то что проигнорируют, но при случае могут его еще и «послать».

От знакомых коренных кулябцев он был наслышан, что раньше в здешних краях покушаться на женщину, особенно на малолетнюю девочку, было делом немыслимым. Сегодня же насильников и педофилов местной милиции ловить приходится то и дело. К этой озабоченной братии таджикские законы достаточно суровы. Кое-кто, случается, получает и пожизненный срок. Но меньше их все равно не становится.

Критически Анатолий относился и к бача, промышляющим сутенерством. Если в былые времена сводничество считалось здесь позорнейшим делом, а тем более торговля своими же мусульманками, то теперь этим здесь уже никого не удивишь. Теперешним бача-сутенерам все равно, кого продавать – русскую, татарку, узбечку или свою же соплеменницу-таджичку.

Шофер рассказал, что незадолго до прибытия на базу спецназовцев солдаты всем подряд бача устроили серьезную встряску. Совсем обнаглев, криминальные торгаши и ростовщики чуть ли не первого встречного начали хватать прямо у КПП и выбивать по большей части несуществующие долги.

...Поздним вечером в дальнем углу за казармами собрались контрактники, давно уже поименованные «контрабасами», и «деды» из числа срочников. Минувшим днем получивший энное число колотушек от бача уроженец Белгорода Витька Макринин гневно повествовал о случившемся, взывая к необходимости «дать укорот» распоясавшимся спекулянтам. Выслушав претерпевшего избиение, собравшиеся однозначно определили: «укороту» – быть!

За то, чтобы атаковать бача, высказались даже те, кто с Витькой в друзьях не состоял. Всякому было ясно: сегодня оказался битым Витька, завтра будет Митька, следом за ними – Петька, Федька и так далее... А посему тут же была сформирована «штурмовая бригада», куда захотели войти даже некоторые из молодых, но имеющих опыт массовых стычек и драк.

На следующий вечер, когда бача, закончив свои спекулянтские сделки, уже собирались расходиться по домам, их постигло то, что однажды пришлось пережить персидскому шаху

после вторжения в пределы его страны общеизвестного Александра Македонского. Под водительством все того же Кости Богодушина, который, надо сказать, и был инициатором тайной сходки, десятка три солдат через лаз для «самохода» незаметно выбрались за территорию базы.

Бача слишком поздно заметили, что их веселая, жизнерадостная компания окружена нехилыми парнями в солдатском камуфляже. И хотя численные силы были примерно равны, да и сами бача особой робостью не отличались, стало ясно: сегодняшний вечер может закончиться куда более грустно, чем ожидалось ранее.

Под кронами фруктовых насаждений, уже почти в темноте, завязалась довольно-таки жестокая потасовка. Как бы соблюдая негласный уговор, обе стороны дрались только на кулаках, без применения как холодного, так и огнестрельного оружия, без единого вопля и крика, чтобы не привлекать внимания со стороны. Поэтому ни местная милиция, ни дежурный по базе так и не узнали о происходящем.

Со стороны можно было слышать только смачные удары кулаков да напряженное сопение дерущихся. И если в первые мгновения бача еще надеялись на успех, то уже минуту спустя стало ясно – их карта бита. Костя Богодушин и еще двое ломовиков наподобие него, ворвавшись в ряды спекулянтов, в момент их смяли и расстроили, после чего сопротивление бача тут же стало неорганизованным, судорожно-хаотическим. На третьей минуте драки, нарушив молчание, нещадно битые бача с воплями ринулись врассыпную...

Но каких-либо последствий для организаторов и исполнителей экзекуции это событие не повлекло – в милицию никто из бача обращаться не стал. Смысл? Какой дурак решится прийти и объявить о том, что он, занимаясь нелегальным бизнесом и соответственно не платя в казну налогов, оказался бит за то, что слишком усердно пытался вернуть деньги, предоставленные в долг под процент? Никто не помыслил и устраивать каких-либо «акций возмездия». Попробуй, устрой! А потом куда пойдешь со своим «бизнесом»? Поэтому после недельного затишья над ограждением базы вновь замелькали головы в тюбетейках, все с тем же извечным: «Купи!», «Продай!», «Деньга в долг не нада?»

...Из-за очередного пригорка показалась широкая долина, окруженная горами, покрытая уже высохшей травянистой растительностью и кустарниками, растущими меж валунов по склонам гор. Лишь у виднеющихся на ее пространстве каких-то ангаров и жилых построек под ветром клонился карагач и деревья, напоминающие тополя. Круто завернув к этому, вероятнее всего, рукотворному оазису, Анатолий объявил:

– Вот и полигон!

Как он пояснил далее, в здешних ангарах стояла учебная военная техника – танки, БМП, БТРы. Впрочем, немалое число единиц техники круглый год стояло прямо под открытым небом, в окружении колючей проволоки. Здесь она использовалась для практических занятий личного состава танкового батальона. Основной парк боевых машин находился на территории базы в специальных боксах. Эта техника не эксплуатировалась, ее лишь время от времени проверяли на работоспособность всех систем и механизмов. Зато полигонной доставалось на всю катушку. Во время танковых маневров от рева мощных дизелей дрожь под ногами чувствовалась даже на значительном удалении от танкодрома.

– Ну а пострелять-то вам тут дают? – глядя на кажущиеся крохотными силуэты танков, поинтересовался Лавров.

– А то! – Смеясь, Анатолий махнул рукой. – Иной раз так настреляемся, что в голове как будто целый рой комаров завелся. Стрельбы у нас тут часто. Израсходовать надо минимум два рожка. А если кто-то в госпитале или отъезде, эти патроны отстрелять дают другим. Комедия! Все уже настрелялись, отказываются... Помню, мне навязали несколько рожков. Под конец ствол моего автомата так раскалился, что – представляете? – пуля из него вылетает и в метре падает на землю...

Подъехав к одному из домов, где размещалась охрана, Лавров разыскал старшего, светлого капитана с басовитым голосом, и известил его о своем прибытии.

– ...Мне нужно осмотреть стрельбище и полосу препятствий, – сказал он, обменявшись приветствием с капитаном.

– Осматривайте... – кивнул тот. – Только если вдруг попадутся неразорвавшиеся боеприпасы – ни в коем случае не поднимать!

– Спасибо за предупреждение, – Андрей улыбнулся, – но, как говорят в народе, не первый год «замужем».

– Мое дело предупредить, даже самого искушенного, – в усах капитана тоже мелькнула улыбка. – А уж в дальнейшем – как пожелаете. Хоть в футбол ими играйте. Говорят, некоторые мины и снаряды при этом даже не взрываются.

– Что вы говорите?! Надо же... – Изобразив простофильское удивление, Лавров озадаченно покачал головой.

Рассмеявшись, офицеры обменялись приятельским рукопожатием, и Андрей в сопровождении Анатолия направился к стрельбищу. Дорога представляла собой обычную грунтовку, выщербленную траками танковых гусениц. То здесь, то там в траве были заметны не очень крупные – длиной со спичку – скорпионы. Невдалеке от дороги Лавров заметил вальяжно перемещающуюся пустынную черепаху. По территории полигона расхаживали несколько прикомандированных сюда солдат, которые наводили порядок в капонирах, чинили на стрельбище оборудование.

– Капитан Михеев – отличный мужик, – прокомментировал шофер, шагая по хрустящей под ногами, сгоревшей от летнего жара кустистой полыни. – И по службе, и по жизни. Он живет на нашей базе, недавно получил там коттедж. Ну, вы, наверное, видели – есть там в жилом секторе базы целая улица типа небольшого поселка? Вот там большинство нашего командного состава и обитает. Кто только прибыл – получают комнаты в офицерском общежитии. Кто-то в городе селится... Жилье в Кулябе недорогое.

– А ты свою будущую жену сюда собираешься привезти? – спросил Андрей, поддев ногой крупный осколок артиллерийского снаряда.

– Ну, ясное дело! Это что ж будет за жизнь, если я – здесь, она – там... – Анатолий пожал плечами. – Комнатеху сниму в городе. Жилье себе я уже присмотрел. И место удачное – рядом с базой, и плата чисто символическая.

– А твоя избранница ехать сюда захочет? – В голосе Лаврова звучало явное сомнение.

– А-а, это вы, наверное, слышали историю, которая приключилась с майором Цариным? Так он себе жену привез аж из Москвы. Не знаю, где он ее там откопал... Девка была с понтами невероятными. Я вообще не представляю, как она сюда согласилась ехать. А моя Нинка живет в моей родной Самоваровке, где ни работы, ни перспектив...

Как далее поведал Анатолий, он и на контрактную-то службу согласился только потому, что вся их тамошняя округа – в былые времена не бедный, черноземный район – за последние десятилетия обратилась в заросшую бурьянами, заброшенную территорию. Некогда многочисленные села опустели наполовину, а то и более того. Мужская часть населения постоянно околачивается на заработках в Москве, Питере, «на северах», женская уезжает в города. Кому не повезло найти приличную работу и создать семью, отправляются в Москву на общеизвестную Тверскую, а то и за границу.

Минувшим летом Анатолий ездил в отпуск, в свои родные курские края, и там у него состоялась одна не очень радостная, но весьма запоминающаяся встреча. Возвращаясь от старого друга, он увидел шедшую ему навстречу по улице какую-то ярко нагримированную, крашеную блондинку с изможденным, морщинистым лицом, к тому же изрядно подпитую и с сигаретой. Незнакомка с ним поздоровалась, а он удивленно некоторое время в нее взгляды-

вался, пытаясь припомнить, кто же это такая. И лишь когда она сама назвала себя, он узнал в этой накрашенной мумии бывшую первую школьную красавицу Лизу Бугрову.

Увиденное Анатолия ошеломило. Лиза была всего на три года старше него, а выглядела – на все пятьдесят. Она рассказала, что после школы поехала поступать в Москву в театральное училище, но не прошла по конкурсу. Зная, что дома не устроиться даже дояркой, отправилась за границу, как ей обещали, работать официанткой.

Но на самом деле Лиза попала в некое «забугорное» подпольное заведение. Ее, как вещь, несколько раз перепродавали из одного борделя в другой, пока она в конце концов не оказалась в руках сутенерской мафии косовских албанцев, о чем женщина рассказывала с содроганием. Все, что с ней за границей было до этого, в сравнении с пережитым в рабстве у косоваров выглядело сущей ерундой. И вот для того, чтобы вырваться из этого ада, ей пришлось пожертвовать своей почкой. Теперь Лиза уже ничего не ждала от этой жизни, надеясь, что, может быть, когда-нибудь в следующей (если такая только есть) ей повезет больше...

Шагая по полигону, Анатолий сумрачно вздохнул. Некоторое время они шли молча, ступая по плотной, каменистой земле, потрескавшейся от недавнего летнего жара. Посвистывая, мимо пролетела стайка мелких птиц, напоминающих овсянок. Где-то далеко, у самых кустарников, мелькнуло что-то резво скачущее, буровато-рыжеватого оттенка.

– Заяц-толай... – пояснил шофер, внимательно взглядевшись в обитателя этой долины. – В сравнении с нашим русаком – мелкота.

Обойдя позиции для ведения стрельбы, проверив работу механизмов, управляющих подвижными мишенями, Андрей в принципе остался доволен. Конечно, этому стрельбищу было далеко до того, что принадлежало базе подготовки спецназа. Однако вполне годилось, чтобы можно было элементарно попрактиковаться, освежить и закрепить былые навыки.

Подойдя к одной из позиций для стрельбы из положения лежа, Андрей остановился как вкопанный – свернувшись клубком и угрожающе раскачивая головой, шипела метровой длины серая гадюка. Хорошо зная повадки ядовитых пресмыкающихся, он стоял не двигаясь и спокойно смотрел на потревоженную рептилию. Отшипев положенное, гадюка развернулась и неспешно поползла прочь.

– Змея? – подойдя к Лаврову, спросил Анатолий. – Их тут много. В основном гадюки. Говорят, бывает кобра, гюрза и даже эфа. Но я, честно говоря, за три года видел их считанные разы. Вот гадюк хватает. Весной тут особенно опасно – каракурт может цапнуть. А на скорпионов у нас как-то особого внимания и не обращают. Главное, если заночевал в этих местах, утром обязательно надо вытряхивать всю одежду, и особенно ботинки. Эти твареныши в них могут затаиться, а потом и цапнуть, если не заметишь.

Они направились к полосе препятствий, которая Андрея никак не впечатлила. Подумав, он решил, что на этом полигоне его подопечным будет достаточно отстреляться. Да и поводить технику – этих занятий у них не было уже давно, а затем лучше всего сразу же отправляться в горы. Там условия такие, что с ними не может сравниться никакая искусственная полоса препятствий.

Снова выйдя на дорогу, слева от себя краем глаза Лавров поймал какую-то непонятную, странную фигуру, сидящую на камне примерно в сотне метров от него. Сначала даже показалось, что это какой-то небольшого роста человек, который присел отдохнуть на валун. Но, приглядевшись, он с удивлением понял, что это птица.

– Толь, а это что за пернатое создание? Орел – не орел... – недоуменно поинтересовался Андрей.

– А-а-а! – шофер рассмеялся. – Это грач. Да! Представьте себе – грач какой-то местной породы. Они тут бывают такие здоровенные! Летит, зараза, размах крыльев около метра.

– Да будет тебе! – Лавров недоверчиво воззрился на своего собеседника – не шутит ли?

– Смотрите! – Анатолий пронзительно, заливисто просвистел, потом еще раз.

Судя по всему, по этой части он был спец – у Андрея от свиста даже зазвенело в ушах. Птица, до сего момента сидевшая неподвижно, заворочалась, встрепенулась и, подпрыгнув, медленно полетела над долиной. Это и в самом деле был грач! Но любой другой, даже самый крупный из средней полосы России, в сравнении с этим выглядел бы карликом.

– Фантастика! – Лавров удивленно развел руками. – Такого, наверное, и по телику у Дроздова не увидишь. Что за мутанты?

– Товарищ майор, это ли невидаль! – Шофер пренебрежительно махнул рукой. – Тут, считай, зимы нет, чего бы им не разрастись? Вы лучше вот на это поглядите!

Он достал из кармана телефон и, пощелкав кнопками, протянул Андрею. Взглянув на дисплей, Лавров увидел снимок, сделанный камерой мобильного телефона. На нем двое смеющихся парней лет восемнадцати, стоя рядом, держали перед собой за толстые задние лапы крупную зеленую лягушку, которая, судя по масштабу снимка, общей длиной была более полуметра.

– Восемьдесят сантиметров от морды до кончиков задних лап, вес около шести килограммов, – пояснил Анатолий.

– А кто эти хлопцы и где они? Где-нибудь в Африке? Там, я читал, такие страхогядины водятся, – возвращая телефон, Андрей покачал головой.

– Какая Африка?! Товарищ майор! – Шофер сунул телефон в карман. – Это мой братишка Жорка и его друг Васька. У себя дома, на Сейме, рыбачили. Там и поймали. Сейм вообще река интересная. Мой дед рассказывал, после войны там такого сома выволокли, что две лошади с ним еле справились. Он, зараза, и гусей глотал, и овец. А изловить его решили потому, что на детей, сволочь, начал охотиться. Десять пудов весил! Его и есть не стали – отвезли на ферму, отдали свиньям на корм.

– Ну, насчет сома не знаю, а такая лягушенция... Да-а-а! Наверное, неспроста в Курской области есть своя АЭС, – резюмировал Лавров.

– Вот и наши там говорят, что, не ровен час, какая-нибудь годзилла появится... – вздохнул Анатолий.

Возвращаясь к «Газели», по пути они спугнули еще одну, не очень крупную, худосочную гадючку. Эта, как видно, сознавая свою субтильность, не выказала и намек на намерение попутать шипением непрощенных двуногих и поспешно ринулась наутек.

Лавров глядел вслед скрывшейся в бурьянах рептилии и вспомнил курьезный случай, о котором ему вчера рассказали спецназовцы. Когда парни ужинали в столовой, «деды» их предупредили, чтобы те, заходя в кирпичный домик уличного туалета, оборудованного рядом со спортплощадкой, были осмотрительнее. Как оказалось, туда иногда имели обыкновение заползать гадюки. Учитывая, что там освещение неважное, можно было запросто сесть на унитаз, не заметив притаившуюся рядом «гостью».

Рассказчики припомнили два случая, когда змеи кусали за «мягкое место» не очень осмотрительных визитеров в «два нуля». Последний произошел всего полгода назад. Чудаковатый паренек по имени Вова Дымков, прибывший служить откуда-то из-под Липецка, забыв о том, что в туалете бывают гадюки, во время физподготовки слезно отпросился у старшины «на одну минуточку». Ну, тот его и отпустил в туалет ровно на одну минуту. Дабы уложиться в отведенное ему время, Вова на ураганной скорости влетел в «тубз» и, на ходу заголив «пятую точку», с ходу занял «боевую позицию» над унитазом. И в тот же миг, после громкого, угрожающего шипения, раздавшегося сзади, что-то непонятное очень больно ужалило его в незащищенную ягодицу...

Охваченный ужасом, Вова Дымков, забыв надеть штаны, выбежал из туалета с отчаянным воплем: «Ребята! Меня за жопу гадюка укусила! Отсосите кто-нибудь яд – я жить хочу!!!» Разумеется, очередь желающих отсосать яд из укуса на столь пикантном месте выстраиваться не стала. Вове порекомендовали надеть штаны, дабы он своим видом не шокировал вышедших

на прогулку воспитанников детского сада. Затем старшина приказал ему немедленно идти к «бациллам», как иногда на местном сленге величали медработников. И в самом деле, Вовины страхи оказались напрасны. Всего через пару дней его выписали из санчасти. Но с тех пор Вова Дымков перед тем, как зайти в «тубз», обязательно вооружался палкой, громко топал и свистел...

Сев за руль, Анатолий запустил двигатель и, взглянув на указатель уровня горючего, удовлетворенно прокомментировал:

– О! Горючки-то у нас еще – о-го-го сколько! Кояшко чуть не обрыдался, когда отдавал распоряжение залить полный бак. Привык давать впритирку. Все боится, что себе из этого чего-нибудь выкрою.

– А ты не выкраиваешь? – со смешинкой в голосе поинтересовался Андрей.

– Рад бы, да фиг получится. Вот у моего друга, Мишки Курчука, возможности намного шире. Он рулит на походной прачечной, заправляется соляркой. Она и в движок идет, и в титан, воду греть. Попробуй докажи, что он недо – или перерасходовал! Вот кому раздолье!..

Он запустил двигатель, и в этот момент сквозь гул мотора раздалась непонятная трескотня, напоминающая автоматную стрельбу. Лавров удивленно посмотрел на Анатолия, пытаясь догадаться, кто же это стреляет. Солдаты из команды обслуживания были без оружия. Выпрыгивая из кабины, шофер торопливо выкрикнул:

– Ложись! «Духи»!

Впрочем, Андрей всего мгновение спустя и сам уже понял – стреляют чужие. Он успел схватить автомат, взятый с собой в дорогу, и, буквально вывалившись из машины, стал ловить мушкой предполагаемые цели для ведения огня. Успел схватить взглядом распластанные на бурой долине полигона фигуры залегших солдат. Живы они или убиты, понять было трудно.

Лавров увидел выбежавшего из командного пункта капитана Михеева, который на его глазах внезапно, словно споткнувшись, повалился ничком и замер без движения. И тут он понял, кто и откуда стреляет. Огонь велся с трех точек из чахловатых кустов на возвышенностях, окружающих полигон.

Тщательно прицелившись, он нажал на спуск. Раскатисто пророкотал автомат, и один из автоматов нападавших тут же замолчал. Двое других, поняв, что отпор им дан серьезный, скорее всего, решили отступить. Но следующая же очередь автомата Лаврова, прошив обе ноги еще одному из чужаков, вынудила того распластаться на земле.

Уже не таясь, Андрей помчался в сторону холма, где лежал раненый чужак, успев крикнуть Анатолию, чтобы тот немедленно вызвал подкрепление и помог раненым. Он был уже метрах в ста от чужака, когда услышал раздавшуюся короткую автоматную очередь. Осторожно приблизившись, он увидел того с буквально вывернутым наизнанку теменем – приставив автомат снизу к голове, чужак нажал на гашетку, чтобы покончить с собой, но не оказаться в плену. Живым из этого бандитского «трио» смог уйти только один. Как можно было догадаться, обратно в Афганистан – хотя на камуфляже натовского образца у обоих убитых знаков различия не было, как и документов, в том, что это талибы, у Лаврова не было и тени сомнения.

Когда Андрей вернулся на полигон, Анатолий уже успел перевязать двоих солдат и капитана Михеева, который получил пулю в грудь и лежал без сознания. Солдаты пояснили, что подобные нападения пару раз уже случались. Но было это года три назад. Их подоплека была понятной и без пояснений – создать обстановку страха и панических ожиданий, чтобы вынудить ненавистных талибам русских покинуть Таджикистан.

Лавров и Анатолий загрузили в салон «Газели» раненых. Загудев на повышенных оборотах, «Газель» лихо описала круг, подняв облако пыли, и, вырулив на дорогу, помчалась по ней, подпрыгивая и покачиваясь на буграх и рытвинах.

Глава 4

Отбив с полигона, они помчались обратно, в сторону Куляба, но, не доезжая до города километров двадцати, остановились, увидев мчащуюся навстречу целую кавалькаду штабных и санитарных машин. Раненых, перегрузив в свои машины, медики тут же увезли в Куляб. Прибывший на своем «уазике» генерал-майор Густинин долго и дотошно выяснял подробности нападения. Выслушав Лаврова, он распорядился, чтобы тот вместе с прибывшими вернулся на полигон. Недовольно морщившемуся Анатолию пришлось разворачиваться в обратную сторону. После почти часовой «разборки полетов» Андрей наконец-то отправился туда, куда и намечал, – в сторону Даштиджума.

Теперь их путь огибал юго-западную оконечность хребта Хазратишох, из-за чего слева в окне неизменно красовались высокие пики и плоскогорья, поросшие все тем же кучерявящимся арчовником, а справа – каменные холмы и долины предгорий, все еще зеленые и кое-где даже цветущие. Высоко в небе кружил характерный силуэт беркута, высматривающего себе добычу. Рядом с дорогой то здесь, то там хлопотливо кучковались серые вороны, видимо, в надежде чем-нибудь поживиться.

Встречного и попутного транспорта по дороге курсировало не слишком много. Большинство машин было российского и еще советского производства. Наряду с «десятками» и «четырнадцатыми» встречались раритеты наподобие «Победы» и «Москвича» пятидесятых годов выпуска.

Не раз уже побывав на Кавказе, повидав минувшей весной Тянь-Шань, Лавров не переставал дивиться величию и красоте горных пейзажей. Дорога, как и везде в этих местах изобилующая множеством поворотов, за каждым из них открывала все новые и новые причуды земной тектоники и выветривания. Каменные складки тверди земной, выдавленные к небу мощью недр немислимой величины, за миллионы лет непрерывного воздействия ветров, дождей, солнца и мороза приобрели необычные, ни с чем не сравнимые очертания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.